

РОМАН БУЛГАР

Пропавшее кольцо императора

II. НА РУИНАХ ИМПЕРИИ ГУННОВ

Роман Булгар

**Пропавшее кольцо императора.
II. На руинах империи гуннов**

«Издательские решения»

Булгар Р.

Пропавшее кольцо императора. II. На руинах империи гуннов /
Р. Булгар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832999-9

Еще в первом тысячелетии на берега Волги и Камы пришли издалека многочисленные племена и народы. Шли народы с племенами гуннов, широко расселились они на берегах Днепра, Черного и Каспийского морей. После распада империи гуннов многие народы и племена поменяли названия, разделились, возникли новые государства. Возвысился и угас Тюркский каганат, в дельте Волги вырос Хазарский каганат. Рядом крепла Русь. Племена на берегах Волги и Камы создали могучую Волжскую Булгарию... Великие булгары... Кто они?

ISBN 978-5-44-832999-9

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава I. Смерть Атилы	6
Глава II. Орда Ашина	25
Глава III. Тюрки	42
Глава IV. Шелковые войны	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пропавшее кольцо императора II. На руинах империи гуннов Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

© Валерий Долженко, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-2999-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Потомки благородного волка Ашина

Глава I. Смерть Аттилы

Взобравшись на самый зенит, полуденное солнце нещадно жарило. Вконец изнуренные стражники искали спасения от его жгучих лучей. Они втискивали свои бранные тела в малейшую появившуюся на высоких вышках и прочных стенах тень, на глазах укорачивающуюся и стремительно уменьшающуюся.

– О, Аллах! – взмолился начальник стражи. – Пошли нам тучку!

Тяжело пытая, толстый караулбаши, обливаясь крупными каплями пота, обильно стекавшего с низкого лба, с крючковатого хищного носа, противными тонкими струями затекавшего за шиворот, совершал обход.

Не выдержал он, остановился, в изнеможении опустил на корточки, прикрыл глаза, стянул с головы кожаный шлем. Ну и жара! Если так дело пойдет и дальше, то до вечера он не выдержит.

– Посижу, – пробормотал караулбаши, покачиваясь на усыпляющих волнах Морфея, – подремлю, время скорей побежит...

Поклевывающий носом, разморенный стражник, стукнувшись лбом об столб, моргнул и открыл ошалелые глаза, перед которыми вдалеке размывчато замелькало приближающееся облачко пыли.

– Не спи, дружок! – подбодрил он сам себя. – Службу проспишь!

По скорости, с которой двигался небольшой отряд, стражник легко определил, что к ним кто-то сильно спешил. Может, это приближаются к городу гонцы? Что везут они с собой?

– С худой ли вестью скажут к нам верховые улакчи, – вслух начал размышлять воин, – или же они спешат сообщить о чем-то хорошем?

Пока он лениво раздумывал, всадники настолько приблизились, что вот-вот и скоро подъедут они к Внешним воротам.

Разморенный страж тяжело вздохнул. Пора ему, пора уже поднимать осевшего вниз и расплывшегося бесформенной грудой караулбаши.

Случись что, его же, бедолагу, запросто и сделают опосля крайним, мигом обвинят в лени и нерадивости...

– Тревога! – стражник стукнул деревянной колотушкой по колоде.

Начальник стражи очнулся, очухался, быстро подскочил и принялся суматошными движениями нахлобучивать на голову кожаный шлем и поправлять сбившееся снаряжение, едва в его затуманенное сладкими видениями сознание проникли беспокойные слова караульного.

– Чего раньше молчал, бездельник? – завокнулся караулбаши.

Он живо припал к смотровой щели, взгляделся и немного успокоился. Впереди небольшого отряда скакали Ахмед-бек и его красавица-жена, привезенная молодым беком из их дальнего похода на Великий Устюг русская княжна Настенька, переименованная в Насиму.

– Ложная тревога! – обрадовался начальник стражи.

Смахнув едкую слезинку, выступившую от сильной рези в глазу, караулбаши облегченно выдохнул. На этот раз пронесло. От этих людей ожидать больших неприятностей особо не стоило.

И все-таки он неожиданно резво для своей тучной комплекции сбежал вниз и у въезда в ворота встречал важных гостей.

– Береженного сам Аллах бережет! – приговаривал главный страж.

Каждый и всякий, глухой и слепой в их в городе знал, что красавица-жена бека приходится Суюм-Хатун названной сестрой, сам он пользуется особым расположением к себе как болгарского эмира Габдуллы Юсуфа ибн-Салима, так и его сестры.

– Растяпа! – вспомнив, что упустил крайне важное, страж побледнел. – Чуть я не забыл! Следует немедленно послать во дворец гонца, чтобы известить эмира о прибытии наместника Сувара...

Оставив мужа одного ожидать появления эмира в огромной зале для приемов, Насима сама отправилась на другую половину дворца.

– Я к сестре... – кратко пояснила она.

По-простому и без объявления неслышно вошла она в гостиную, где расположились почтенный странник-дервиш, на протяжении нескольких дней ведший увлекательный рассказ о поисках княжичем Глебом, братом названной сестры Суюм-Хатун, следов предков болгарского народа, и его благодарные слушатели.

Боковым зрением заметив мелькнувшую в дверях тень, Хаджи Хасан приподнял голову, и его больше не отпускало ощущение того, что он уже где-то видел вошедшую к ним молодую женщину.

Но не мог он вспомнить, когда, где и при каких обстоятельствах. За свою жизнь он побывал в стольких местах и стольких людей повидал, что времена и события иногда начинали причудливо накладываться друг на друга, и тогда приходилось ему искать кончик ниточки, за которую потом почти всегда удавалось вытянуть всю цепочку той или иной истории.

– Мир этому дому! – поклонилась Насима. – Да ниспошлет Великий Аллах благополучия всем, живущим под его крышей!

– Мама! Анай! – радостно вскрикнул мальчишка, подбежал к матери.

Недовольно всколыхнулись пушистые реснички Суюм. Укоризненно прищурились ее блеснувшие глаза. Но ни одного словечка не сорвалось с ее красиво очерченных уст.

– Кто он? – шепотом спросила гостя.

– Мама... – удобно устроившись на женских коленках, затараторил мальчишка, – этот путник пришел в наши края издалека! Он исходил столько стран, столько всего знает, рассказывает такое! Он, оказывается, встречался где-то с дядей Глебом!

– Что?! – сердце у Насимы на мгновение замерло и пустилось вскачь.

Давненько уже далеко внутрь загнала она все думы-думки про своего пропавшего брата. Глеба послала ее названная сестра Суюм на поиски следов, которые оставили на жизненном пути народы, поселившиеся на берегах Камы и Волги. Она не надеялась когда-нибудь вновь увидеть его. Что толку постоянно думать об этом и только беречь душу напрасными надеждами и никому не высказанными упреками.

– Странник всякого поведал нам!

– Что-то, Улугбек, – женские глаза печально моргнули, – случилось с твоим дядей? Я угадала?

Только теперь, связав все вопросы их гости, Хаджи Хасан вспомнил, где он мог видеть это лицо.

Женщина, так по-свойски вошедшая в покои, была очень похожа на Галиба, своего брата. А вот сын ее Улугбек нисколько на нее не похож.

Пристально глядя то на Насиму, то на ее сына, то на хозяйку, он все больше приходил к выводу о том, что мальчик больше всего похож на Суюм-Хатун, хотя разумных объяснений этому сходству не находил.

– Скажи, почтенный путник, что с моим братом? – спросила Насима, немного спустя. – Мы знаем, что он, объехав полсвета, побывал у нас, в Болгаре, оставил пространственное послание. Что случилось с ним после того, как они покинули Болгар?

– Я расскажу со слов самого Галиба после того, как доскажу историю про вождя хуннов Аттилу и ушедшие с ним в поход племена булгар...

...Немало ходило по их свету самых различных слухов об истинной причине кончины великого вождя...

...Темник Иштуган, внук темника Тугана, стоял и угрюмо смотрел на поднимающиеся огромные языки пламени, пожирающего тело умершего повелителя хуннов, и мучительно думал. Еще дед говорил ему, что эта война со всеми и против всех ни к чему хорошему не приведет. Когда-то этому безумию придет конец. И тогда весь мир ополчится против них.

Мрачные предчувствия окружили и захватили его. Он не услышал, как кто-то подошел сзади, и очнулся только после того, как почувствовал на своем плече тяжесть чьей-то властной руки.

– Это ты, Дулу... Прости, я не заметил, как ты подошел, – Иштуган почтительно приветствовал прославленного военачальника.

Дулу был одним из главных вождей союза племен булгар, савиров и барситов, составляющих одну из основных сил хуннского войска.

Отважный Аттила сумел своим мечом и авторитетом объединить многих тех, кто искоса поглядывал, как на самих хуннов, так и на кое-кого иного. Прежние враги вроде и не ссорились, но руки для крепкого пожатия друг другу никогда не протягивали, словно чего-то дожидались.

Вот и дождались...

– Что задумался, темник, какие черные мысли гложут тебя?

Неспроста задал свой вопрос старый военачальник. Хотел прощупать одного из своих командиров. Хорошо понимал, что время для принятия окончательного решения уже пришло. Если накануне мыслить об этом считалось рано, то завтра, может быть, станет и поздно...

– Я думаю, Дулу, – с кривой усмешкой ответил Иштуган, поднимая, не пряча свои огромные черные глаза, бездонные, как два омута, доверху наполненные горьким сожалением и досадным непониманием, – о том, что произойдет со всеми, когда наступит неотвратимое похмелье...

Слишком веселые поминки устроили хунны для своего безвременно ушедшего вождя. Словно они хотели забыть нечто, что связывало их всех вместе, после чего начнут они старательно ворошить прежние обиды.

– Тяжелым оно будет, темник, тяжелым, – вождь булгар нахмурился. – Я думаю, что нам следует уходить до того, как оно начнется, чтобы не участвовать в заглавной роли в очередном буйном празднике смерти.

– Я дал команду своему тумену готовиться к походу, – глухо обронил темник, напряженно ожидая, что скажет на это старый военачальник.

Отрешенно глядя на то, как веселится, орет и поет толпа, скачущая вокруг поминального костра, Дулу медлил с ответом, размышлял.

Видно, это последняя ночь, когда они все еще вместе. Уже завтра их мечи и копья начнут искать новые жертвы и, скорее всего, отыскивать их среди прежних соратников...

– Это правильно, – наконец, его губы разлепились. – Пора выступать. Ты решил, Иштуган, куда поведешь своих людей?

– Мой дед говорил мне, что на слиянии двух великих рек Итиль и Чулман-су жили наши предки. Оттуда уходили наши воины в поход. Я должен вернуть их детей и внуков домой.

– Счастлив тот, кто имеет Родину... – старый полководец незаметно вздохнул. – Хорошо, когда есть, куда идти, есть, к чему стремиться...

Да и они когда-то ушли не с самых плохих земель, расположенных возле Кара Денгиза. Только там уже, верно, поселились другие племена, которые вряд ли просто так захотят потесниться...

– Что будешь делать, темник, – неожиданно спросил Дулу о том, что ему и самому не давало покоя, – с теми, кто не вашего роду и племени, кто пристал к вам по дороге войны?

Знал он, давно уже стало непреложной истиной, что насильно ни для кого мил не будешь. Насильно таща за собой всех многочисленных и разноплеменных людишек, прибившихся к продвигавшемуся на страны заходящего солнца войску хуннов, где сознательно, а чаще всего, по принуждению, не так уж далеко и до мелких вспышек обидчивых ссор и возникновения куда более глубокого и серьезного раздора.

– Неволить я никого не стану. Пусть, – Иштуган широким взмахом повел рукой вправо от себя, – каждый сам выбирает для себя дорогу. Хватит им быть слепыми исполнителями чьей-то воли. Пора подумать и выбрать дорогу, по которой они хотят идти. Чтобы потом, опомнившись через много-много лет, не искать себе виноватых в своей показавшейся им обидно неудавшейся судьбе.

То ли осуждая, то ли одобряя его решение, Дулу покачал головой. Дело, святая обязанность каждого их воина – исполнять любой приказ своего командира. Но, может, тут Иштуган прав. Собираясь в дальний путь, не стоит брать с собой и весь приставший к ним по дороге мусор. Возможно, пришло время очистить свои ряды от всякой ненужной шелухи перед дальним походом, чтобы потом не возиться с нею.

– Зерно разума в твоём решении есть. Однако оно расплодит бродяг. Немного времени пройдет, и все они начнут грабить на дорогах. Пусть несогласные с твоим решением воины со своими семьями переходят ко мне. Я приму всех. У меня им тоже найдется дело по душе. Когда вокруг живет непрекращающаяся война между народами, трудно оставаться в стороне от нее. А все они, прежде всего, воины, и их жизнь – это война...

– Куда ты, Дулу, собираешься повести свои тумыны?

– Мы, – не сразу, быстро оглянувшись по сторонам, понизив голос, ответил военачальник булгар, – пойдем к Румскому императору Льву.

– Лев ждет тебя? – усмехнулся Иштуган и испытывающе посмотрел на старого полководца.

Насколько ему помнилось, прежде они все время только и делали, что довольно успешно воевали с императором Рума и его союзниками.

– У нас со Львом давно, – улыбка, нет, тень улыбки скользнула по обветренным губам, – существуют определенные договоренности.

– Ты, Дулу, – не сильно удивляясь услышанному, спросил Иштуган, – вел переговоры за спиной нашего верховного вождя?

В стороне от них снова усилился шум. Один из сильно подвыпивших удалыцов с размаху швырнул в огромный костер толстый и узловатый сук. К небу взметнулся дрожащий и рассыпающийся тысячами ярких и моментально гаснущих звездочек сноп золотистых искр. Мгновенно же раздался восторженный всплеск дико орущих пьяных голосов, и старый воин ответил не сразу.

– У нас в этой жизни у каждого своя дорога. Аттила шел по своей дороге, а мы старались найти свой путь. В последнее время наши мысли частенько не совпадали. Наш правитель уже на пути к небытию, а нам еще жить. Тот, кто живет одним днем, плохо кончит...

Чуть погодя Дулу высказал давно выстраданную мысль про то, что если бы Аттила послушался их всех и не отвернул от Рима, отдал приказ взять его штурмом, все могло бы сложиться немного иначе или совсем по-другому. Если бы он не тащился в постель к девке Ильдико, как его и ни отговаривали от этой свадьбы.

Затаив в своей усмешке недосказанное, Иштуган произнес:

– Удачи вам всем, Дулу. Помните, что там, куда мы пойдем, живут ваши сородичи. Если вам станет совсем худо, идите к нам.

– Я запомню, темник, – военачальник булгар кивнул головой. – Ты знаешь, что я держу в руке? – в отблесках играющего пламени тусклым светом блеснуло чудное кольцо.

– Это, – Иштуган удивленно приподнял брови, – кольцо императора с таинственными надписями великого Соломона...

Проговорился он, и тут же укорил себя за поспешную болтливость. Но столь велико было его изумление при виде диковинного перстня, про который ходили многочисленные легенды.

Но то, что его все время носил на своем пальце вождь хуннов, было ведомо немногим, только избранным.

– Я знал, – Дулу негромко рассмеялся, – догадывался, что ты в курсе истории этого перстня. Твой пращур, скорее всего, узнал от Турая.

Прославленный во многих сражениях полководец Турай, ведущий свой род от одного из булгарских племен, был очень близок к правителю хуннов Маодуню. С той поры прошло много-много веков, а память о тех великих днях всегда бережно передавалась от отца к сыну, от деда к внуку и почти в неизменном виде дошла до них.

– Откуда оно у тебя? – осведомился Иштуган, прекрасно понимая, что это кольцо случайно в руки булгарского вождя попасть не могло.

Несомненно, как мнилось ему, этому предшествовало нечто, что пока никак не укладывалось в его голове.

– Наш канувший в лету вождь сам перед своей смертью отдал его мне. И ты первый, кто об этом знает...

– Зачем он отдал тебе? – темник непонимающе прищурился. – У него есть прямые наследники. Он должен был отдать свое кольцо самому достойному из них. Или я что-то не пойму...

Усмехнувшись, Дулу коротким взглядом показал на беснующихся рядом с поминальным костром вождей хуннов. Среди них находились и наследники ушедшего в иной мир отца.

– Аттила предчувствовал, что конец его близок. Говорят, нагадали ему, что он умрет в постели белокурой красавицы. Видно, он испугался, что его многочисленные сыновья прямо на похоронах устроят кровавую резню из-за права носить перстень на своей руке. Вызвал меня к себе и тишком всунул. Но сначала мы долго с ним говорили...

В какой-то момент Дулу уже пожалел о том, что раскрыл тайну перед темником, и не стал распространяться о том, что Аттила распорядился отдать впоследствии кольцо тому, кто сможет объединить все племена и народы, какого бы роду-племени он бы ни оказался...

– Аттила, – неожиданно спросил Иштуган, меняя тему разговора и уходя в сторону от кольца, – он не сказал тебе, почему он не разрушил Рим? Победа ходила от него всего в двух шагах...

Этот вопрос, подобно мечу в ножнах, уже много дней не давал ему покоя. Наверное, этот же вопрос невидимой клинописью был выбит на каждом камне Вечного города. Город городов Рим по-прежнему жив, и продолжает жить, устремленный в вечность, назло всем их пожеланиям.

За что пощадил его вождь хуннов? Почему после не выигранного, но и ничуть не проигранного сражения на Каталаунских полях он не отдал приказ и не стал преследовать отходящие войска Аэция?

Нет, не может считаться победителем тот, кто не разрушил столицу государства, против которого пошел уничтожающей войной.

Извечный закон всех войн. Страна, превращенная в жалкие руины, но сохранившая свою столицу, может пережить горечь своего поражения.

Наслоения лет погребут под слоем пыли нетленной истории самую досадную истину, через столетия летописи исправят и перепишут в угоду очередному правителю. У времени удивительно короткая память...

И потому до потомков доживают лишь легенды – они героические и величественные...

Признать свое поражение – самое мучительное испытание...

Идти к новой победе под знаменем предыдущего поражения – удел сильного народа...

– Аттила часто вспоминал про тот пир...

Шумный пир был в самом разгаре.

В глубине полутемного зала за длинным столом восседал Аттила. По правую руку от него расположились его самые старшие сыновья Ирнек, Дингиз, Иллак, рядом с ними – сыновья королей разных стран. Слева от Аттилы пристроились его жены, самые любимые и...

В середине зала на самой освещенной открытой площадке под звуки тихо льющейся мелодии танцевали полуобнаженные наложницы.

Легкие, как незримое дыхание теплого степного ветерка, страстные и соблазнительные движения прекрасных дев, плавные покачивания гибких юных тел, матово мерцающих сквозь дымчато-шелковистые шаровары и короткие туники, сопровождался нежнейшим звоном серебряных монет, украшающих их длинные косы и тонкие изящные запястья.

На мужественных, с хорошо различимыми следами усталости лицах мужчин легко читалась радость жизни. Их мечи, вложенные в ножны, еще хранили на себе пьянящий запах крови.

Аттила привел с собой на Каталаунскую равнину около ста тысяч хуннов и союзные германские и кельтские племена. С ним пришли гепиды, словены, бургунды, тюрингцы...

Во главе армии противника стоял благородный Аэций. С ним пришло около сотни тысяч римлян. Остальное его войско составляли наемники из германо-кельтских племен. Были франки, хорваты, македонцы, этруски, черногорцы, сиракузцы, забывшие своих древних предков – скифов...

До самого захода солнца равнина оглашалась скрежещущим звоном затупившихся мечей, свистом жгуче жалящих стрел, короткими, как всплеск боли, вскриками и протяжными стонами людей. Земля и сама словно содрогалась в болезненных конвульсиях.

Обе армии потеряли бесчисленное количество своих воинов. Но ни одна из них не уронила наземь свое знамя, и страшный бой закончился ничем: не было проигравшего, и победившего не было...

К исходу дня Аэций приказал своей армии отступить. Догнать и растерзать отступающую армию ничего не стоило, но...

Аттила не стал преследовать. Почему он не сделал этого, почему? Он, кому такое понятие как нерешительность никогда не было присуще...

Что не позволило Аттиле сделать тот самый шаг, который мог запросто изменить весь дальнейший ход истории? Но он не отдал приказ, а потому события пошли по иному пути.

Тяжелые думы бороздили усталое лицо вождя, отбрасывали на него сумрачную тень. Между тем пир был уже в разгаре. Карачи разливали в серебряные кубки высоких гостей огненное вино – кровь солнца.

Лишь перед Аттилой стояла чаша из обыкновенного сандалового дерева – не пристало ему, стоящему выше всех, преклоняться серебру да злату, подавая дурной пример своим подданным.

Не один и не два раза взор вождя останавливался на дальнем конце стола, где велась весьма оживленная беседа, старательно укрываемая от гостей, сидящих за другими столами.

– ...Что скажешь мне, друг Визигаст? – пригнувшись к уху соседа, прошептал король Ардарих.

– То, что я могу тебе сказать, – сквозь густую бороду ответил король ругов, – хорошо известно всем нам. Гнет хуннов невыносим. Он никого не слушает. Я просил его выступить в поход против Рима, но он мне ничего не ответил. Когда же, наконец, его свергнут?

– Когда его свергнут Боги, – вмешался Гервальт.

Король Ардарих задумчиво молчал.

– Ты храбр и горд, как весь твой благородный народ. Должен ли я напомнить тебе о том, что ты сам знаешь? И терпишь все подобно нам? Хунн господствует повсюду. Ни Рим, ни Византия не дерзают сами один на один выйти против него! А страшного Гейзерита, бича морей, он называет своим братом. Он покорил все народы от Византии на востоке до Янтарных Островов Северного моря. И каково его господство? Один произвол! Иногда, по прихоти, он великодушен, но вместе с тем никто другой, как хунн, не отличается жестокостью, насилием, святотатством... Ни короли, ни поселяне, ни бедные женщины не могут считать себя в безопасности от его прихотей и желаний. Но из побежденных им народов только с нами поступает он безжалостнее всего, с нами, белокурым и голубоглазым племенем, считающим своими предками Асгардов... Нас, германцев, как прозвали нас римляне, он стремится не только подавить, но и перед всеми опозорить. И так он поступает со всеми...

– За исключением меня и моих гепидов, – слегка выпрямившись, прикрыв ладонью непонятную усмешку, произнес король Ардарих.

Сильно уязвленный откровенными словами короля гепидов, Дагхар выдавил из себя, оглянувшись в сторону верховного вождя:

– Это сушая правда. Тебя да еще остгота Валамера он называет своим копьем и мечом. Вас он уважает. Но за какую цену! И в награду за что?

Осторожный в своих мыслях и словах король гепидов молвил:

– В награду за нашу верность, юный королевский сын.

– Но неужели, друг Ардарих, – заговорил король Визигаст, – ты не жалеешь своих соплеменников, соседей друзей? Да, доселе он щадил права гепидов и остготов и соблюдал договоры с ними...

Но как же мы, все остальные? Мои руги, скиры Дагомута, герулы, лангобарды, квады, маркоманы, тюринги, твои швабы, Гервальт. Разве он не считает своей величайшей радостью произвольно нарушать всяческие договоры, даже с теми из нас, что всегда оставались ему верны?..

Вас он почитает. Вас награждает богатыми дарами, отдает вам долю в добыче, за которую вы даже не сражались. А нас он только угнетает и отнимает у нас нашу собственность. Как ты думаешь, разве все это не возбуждает ненависть и зависть?

Разглаживая седую бороду, Ардарих тяжело вздохнул:

– Конечно, это неизбежно. Для того чтобы управлять такой огромной державой, порой приходится действовать и поступать не всегда праведно.

– И он поступает грубо, – с горячностью продолжил король ругов, – с той целью, чтобы довести нас до отчаяния и восстания.

– Чтобы вернее уничтожить вас, – печально подтвердил Ардарих. – Чем слабее мы все станем, тем легче держать нас всех в узде...

– К этому хунн еще добавляет оскорбления и позор. Так, в придачу к ежегодной дани тюрингов он потребовал прибавку из трехсот девушек... И все эти юные девы непременно изопьют всю чашу позора, розданные в наложницы знатным хуннам и приближенным Атиллы.

– Я убью его! – глаза молодого Дагхара налились кровью.

– Т-с-с-с... И так на нас уже стали обращать внимание пирующие с соседних столов.

– Не удастся, – Гервальт скептически пожал плечами. – Ты и близко не подойдешь к нему. Его хунны с ним повсюду и всегда окружают его тесной толпой, как пчелы улей в лесу.

Каким бы отважным и умелым ни слыл бы выступивший против Аттилы, он сто раз успеет умереть от их длинных мечей и острых ножей.

– Надо выступить против него сообща...

– А храбрые тюринги согласны? – прищурившись, спросил Ардарих.

Вот и он решил прощупать почву для готовящегося заговора.

– Они согласны, – кивнул Визигаст, – я узнавал. Они в негодовании. Неужели все наши жертвы зря? Течение реки остановила масса трупов, и волны ее залили берега кровавым потоком.

– Все до сих пор стоит перед моими глазами, – выдавил из себя стон Ардарих. – Двенадцать тысяч гепидов легли на поле битвы...

Король стиснул зубы. Погибли их самые лучшие отряды, брошенные неумолимой рукой верховного вождя хуннов в самое пекло сражения. Не скоро его обескровленное войско сможет обрести прежнюю силу...

– И после всего этого мы должны отступить?

– Мы своей кровью залили все поля...

– Пока не все! – буркнул Визигаст. – Его намерение на следующую весну гибельнее всех прежних. Он уже отдал приказ созвать все свои народы, а их несколько сот, из обеих частей света.

– Кому на этот раз грозит беда? – спросил Гервальт. – Востоку?

– Или, – усмехнулся Дагхар, – или Западу?

Заговорщикам хотелось знать, куда на сей раз обратит Аттила свой меч, не знающий пощады. На Константинополь или на Рим?

– Скорее, что обоим, – заключил Ардарих. – Не в первый раз Аттила воюет со всеми и сразу...

– Кому бы ни было, – продолжил король рогов, – но он будет в шесть раз сильнее, чем был. Надо остановить его. Иначе он поработит весь мир.

– Мы не сможем! – прошептал, испуганно озираясь, алеман. – Если бы он был так же смертен, как и мы, и если бы его можно было обуздать, как и других людей. Но он злой дух! Он – порождение ада! Так говорят между собой наши жрецы. Ни копье, ни меч, ни другое оружие не могут его поранить и убить его. Я сам видел это. Я был рядом с ним в Галлии. Я упал, как сотни и тысячи падали под тучами стрел и копий. Он же стоял прямо и неподвижно. Он стоял и смеялся! Я видел, как римские стрелы, подобно соломинкам, отскакивали от его плаща. Аттила – не человек! – алеман замолчал и порывисто закрыл лицо руками.

Нагнувшись, сообщники поспешили прикрыть своего расстроенного товарища. Ибо на них обратились пристальные взоры.

– Тридцать лет тому назад, – снова заговорил Гервальт, – я был еще мальчиком. Но до сих пор еще помню страшную картину: пойманные им в заговоре против него, мой старый отец, брат и мать корчились и вопили от мук. Их посадили на острые колья. Мои четыре красавицы-сестры были замучены до смерти им и его всадниками! Меня он бросил лицом на тело отца: «Награда вероломству против Аттилы. Мальчик, научись здесь верности». И я тогда научился ей! – дрожащими губами закончил он.

– В свое время, – король гепидов покривил губами, – научился ей и я. Подобно тебе, друг Визигаст, в былое время я находил его иго для себя нестерпимым и захотел спасти свой народ. Все было у нас готово. И союз с Византией, и тайные заговоры со многими германскими королями и вождями склабенов. За три ночи до условленного срока я спал в своей походной палатке. Проснувшись, я увидел возле своего ложа его самого. Ужас обуял меня, и я хотел вскочить. Он спокойно удержал меня рукой и слово в слово передал мне весь мой план и все наши договоры, занявшие четыре страницы римского письма!

«Остальные семнадцать все распяты, – прибавил он в заключение. – Тебя же я прощаю. Я доверяю тебе. Будь отныне мне верен».

В тот же день он охотился со мной и моими гепидами в дунайском лесу. Утомившись, хунн заснул, положив голову на мои колени. Покуда он жив, думалось мне тогда, я никогда ему не изменю...

– И потому весь наш мир должен оставаться во власти хуннов, – с разочарованием протянул король ругов.

– Да, пока он жив, – уклончиво ответил король гепидов, словно бы давая намек на что-то. – До той поры, пока он жив... Ничто потом не остановит меня, короля гепидов...

– А после его новой победы, – вспыхнул Дагхар, – так будет уже навсегда до скончания веков!

Невыразимое уныние отразилось на лицах заговорщиков. И, чтобы изгнать из сердец их смятение, Ардарих выразительно заметил:

– Но сыновья Аттилы не такие великие, как он сам. Справятся ли они с короной отца, вопрос.

– И правда! – улыбка засветилась на лице короля Визигаста. – Хотя Эллак достаточно могуч, чтобы удержать за собою все приобретения отца. Если у него не найдется внутренних врагов.

– Тогда... они найдутся, – зловеще прошептал Ардарих.

Нетерпеливый Дагхар горячо заговорил:

– Прямой королевский ответ! Слишком загадочно! Значит, придется сражаться без гепидов, да, пожалуй, даже против них. Король Визигаст, пошли меня к Валамеру, я его...

– Избавь себя от пустой поездки, Дагхар, – Ардарих одарил юношу доброжелательным взглядом.

– И он был пощажен и связан клятвой? – сердито спросил Дагхар.

– Нет. Но они побратались. Пока жив Аттила, остготы не станут драться против хуннов. Пока он жив, – со всей многозначительностью добавил король гепидов.

Скривившись, Дагхар проворчал:

– Он проживет еще долго. Ему только пятьдесят шесть лет.

– А между тем наш мир на глазах гибнет, – вздохнул Визигаст.

– Пусть погибнет мир, чем моя честь, – выпрямляя голову, спокойно произнес Ардарих. – Надо ждать... потом наши руки будут развязаны.

– Нет, не нужно выжидать! – снова загорячился Дагхар. – Король Визигаст, забудем про гепидов и остготов. Пусть минет их высший венец победы и славы. Мы не станем ждать! Ты говоришь, после весны будет поздно? Так восстанем сейчас же! Мы не довольно сильны? Нас...

Нахмурившийся гепид движением предостерегающей руки прервал влеречивое перечисление:

– Юный королевский сын, ты нравишься мне. Ты звучно играешь на арфе, ты быстро бьешься. Но еще быстрее ты говоришь. Но научись еще одному искусству, более трудному и более необходимому для будущего короля, чем первые. Научись молчать! Что если я продам великому повелителю хуннов всех, кого ты перечислил?

– Ты не предашь! – перепуганный юноша смертельно побледнел.

– Я этого не сделаю, потому что поклялся сам себе держать в тайне все то, что придется мне услышать! И на эту тайну я имею право, так как заговор ваш грозит гибелью не Аттиле, а лишь одним вам. Ты в этом сомневаешься, отважный Дагхар? Все, названные тобой, даже если бы они были вдесятеро сильнее, и то не в состоянии отделить ни единой щепы от тугого ярма, надетого Аттилой на шеи наших народов. Вы все погибнете, если ныне не слушаете моего предостережения. В открытом сражении его никогда не победить. Но против неболь-

шого ножа в слабой руке от того, от кого не ожидаешь, бессильна самая крепкая броня, а яд, незаметно подсыпанный в напиток любви...

За столом установилась зловещая тишина – столь последние слова гепида не вязались с тем, что он говорил им ранее. Выходит, если кто-то иной устранит Аттилу, то гепид выступит на их стороне.

– Что застыли? – Ардарих мрачно усмехнулся. – Веселитесь, кричите здравницы в честь нашего вождя, как кричат и поступают другие. Иначе вы не доживете и до конца этого пира...

Его улыбка говорила, что их жизни им еще пригодятся после того, как... А до того, как... еще надо дожить...

Повинуясь указующему знаку ладони Аттилы, поочередно вставали военачальники, подняв кубок с вином, произносили тосты.

И каждый из них неизменно начинал свою речь с прославления своего славного вождя – сына Тэнгрэ – и завершал пожеланием силы и могущества для побед в предстоящих сражениях.

И у всех на языке только Рим. Рим! Рим!

От этого величественного города не должно остаться камня на камне! Столица империи, которая мечом подчинила себе столько государств, ввергла соседние народы в рабство, сама превратилась в гнездо разврата и погрузила народы в пучину крови и слез, должна быть разрушена!

Гибели Рима желают короли многих государств. Все они с надеждой смотрят на Аттилу. От его единственного слова зависит ход Истории...

Спустя многие века никто и не вспомнит, глядя на развалины, кто строил Рим. Но имя того, кто разрушил Вечный город, а его разрушил Аттила! – с восхищением будут передавать из поколения в поколение...

Разгоряченные предметом волнующего их кровь разговора, вожди племен и народов тревожили покой своих спящих в ножнах мечей, то и дела прикасаясь к их рукояткам.

Но вот Аттила встал, и гул в зале мгновенно смолк. Вождь хлопнул в ладоши, и откуда-то появился главный акын – Баянчи.

С огромной головой, небольшим кряжистым телом и невероятно короткими и безобразно кривоватыми ногами, акын, казалось, не шел, а катился. По залу украдкой пробежался сдвленный смешок.

Безобразный уродец, чьи глаза из-под низко посаженных густых черных бровей полыхали подобному дьявольскому пламени, считался в последние годы самым приближенным к Аттиле человеком.

Он исполнял роль и советчика, и предсказателя, придворного шута и одновременно мыслителя, и певца-сказителя. Обладавший непостижимой способностью постигать язык любого народа, на землю которого ступала его нога, акын Баянчи стал единственным, кто мог в глаза бесстрашно сказать вождю правду, какой горькой она ни казалась.

Перебирая проворными пальцами тугие струны свой лютни, Баянчи окинул внимательным взглядом сидящих за праздничным столом гостей, и бушевавший огонь в его глазах внезапно погас, и взор затуманился...

Полностью отрешившись от окружающего его мира, певец отдался во власть своей мелодии без слов. Его звучный, страстный голос словно разливался по широкой степи, постепенно удаляясь и замирая, но вдруг, окрепнув, набирал силу, будто река начинала течь вспять.

Казалось, вот-вот волна, вся состоящая из музыки и чувств, нахлынет и опрокинет всех, и тут голос снова затихал и тихо отступал.

И ясно виделось многим, что акын, еще совсем недавно казавшийся невзрачным и убогим, на глазах становился выше, лицо его осветилось внутренним светом, придавшим ему отпечаток неземной божественности.

Его способность заставить всех, затаив дыхание, смотреть только на него вызывала у многих черную зависть.

Видно, Тэнгрэ, щедро наградив его бездонным колодезю мудрости, красноречием и тонким чувством гармонии, вполне умышленно наделил неприглядным внешним видом. Или же он этими талантами постарался компенсировать наружное уродство...

Ударив с силой по струнам, заставив их зазвенеть в полный голос, Баянчи запел:

С востока на Запад, с Запада на Восток
Быстрее стрелы летит слово:
Сохранит дух нашего племени
Серая волчица по имени Сарыкуз.
У черного волка – кровь Ночи,
У белой волчицы – кровь Дня.
Про того, кто соединит в себе эти две крови,
Про того, кто возьмет в свои руки весь мир,
Про того будут рассказывать ветры,
Горные потоки и весенние ручьи.
Он родится в Мир от смешения двух кровей.
Серая волчица – мать Сарыкуз и воля Неба —
Наш Всевышний Тэнгрэ
Положат начало великому народу.
С того времени начнется эпоха батыров!
И недра курганов будут хранить память о них...
Улетают ветры, высыхают потоки, исчезают страны,
Брат забывает брата, туман закрывает туман.
Но если погаснет дух волчицы Сарыкуз,
Кто обуздает сбесившийся мир?

Последние строки из песни Баянчи проговорил едва слышно. Но и произнесенные шепотом, они тревожным набатом забили в сердца: «Кто, кто обуздает мир?». Никто не осмелился сказать, что смысл его песни остался для них темным. Но показать всем, что ничего не понял, никто не захотел. Это вышло бы с их стороны изрядной глупостью.

Тем временем акын бросил гордый взгляд на сидящих за столами и, безжалостно распяв на струнах говорящего инструмента высокомерие прославленных в сражениях военачальников, взял несколько яростных аккордов. Затем он поднял глаза на предводителя:

В чьих руках узда?
В руках сына Неба – Тэнгрэ,
В руках славного Аттилы!
В руках нашего вождя!

Огромный зал хором подхватил: «В руках славного Аттилы...».

Многим показалось, что этой величественной нотой гимна вождю песня и закончится. Но вот весь раскрасневшийся Баянчи поднял руку, успокаивая зрителей, и вдруг снова запел:

Пусть в ворота страны
Не стучатся орлы.
Пустим в небо белого сокола!
Пусть меч сына Тэнгрэ Аттилы

Спит в ножнах...

Последний звук, сорвавшийся со струн, тонко задрожал, затихая под потолком затихшего зала, словно птица, которой негде сесть.

Сгустившаяся тишина – зловеще страшна! Пожелать спокойного сна мечу Аттилы накануне его похода на гнездо цезарей – Рим, который должен быть окончательно стерт с лица земли, уничтожен навсегда...

Подобная оговорка даже такому уроду и любимому шуту, каким был акын Баянчи, казалась непростительной. Гости в полной растерянности усталились на Аттилу. Тот выглядел совершенно спокойным.

Вождь думал о том, что предстоящий военный совет с полководцами пройдет жарко. И многих удастся уговорить лишь при помощи звона золотых монет. Многие не поймут и не одобряют его решения...

– Похода на Рим не будет. Мы уходим на Дунай, – объявил Аттила на собравшемся Военном совете.

В глазах королей подвластных ему народов загорелось неприкрытое злорадство. Уходом своим он невольно признавал свое поражение...

Но на следующий год хунны вновь вторглись в Италию и разграбили богатейшие города. Аттила без жалости отдал их на откуп всем тем, кто сильно был в прошлом году недоволен тем, что из того похода они вернулись без ожидаемой добычи. Однако голод и чума, в тот год особо сильно свирепствовавшие в Италии, заставили хуннов покинуть страну.

Временную ставку расположили в области короля ругов Визигаста – Рушландии, которая простиралась вдоль правого берега Дуная.

Два всадника неторопливо ехали вдоль величественного берега реки. В одном из них по горделивой посадке легко узнавался вождь хуннов. А во втором, трясущемся, как мешок, набитый трухой, без особого труда различался его советник и предсказатель Баянчи.

– Славное местечко! – произнес акын.

Вдоволь налюбовавшись красотами реки, хунны отвернули в сторону и ускорили бег своих лошадей. Небольшой отряд скакал за ними следом. Надвигающаяся ночь застала их в поле...

– Разбить лагерь! – приказал Аттила. – Завтра навестим Визигаста...

В одном дне быстрого пути от Дуная на небольшом холме стояло жилище короля ругов, окруженное многочисленными постройками.

Вверх по отлогости холма росли дубы и буки, достаточно кем-то заботливо прореженные, чтобы не загораживать собой прекрасного вида на чудесную долину к северу от королевского дома.

Внизу по роскошному, цветущему всеми красками жизни зеленому лугу причудливо змеился широкий многоводный ручей, огибавший холм с юга на северо-запад.

Ясным летним утром вокруг весело журчащего и переливающегося на солнце всеми цветами радуги ручья кипела работа.

– Не ленись, не спи! – глухо ворчала дама в преклонном возрасте.

Озорная толпа молоденьких и веселых девушек-веснянок усердно занималась стиркой набравшейся всевозможной шерстяной и полотняной одежды в быстро струящейся светло-зеленой воде ручья.

То тут, то там в пестрой толпе девиц раздавались громкие разговоры и доносились взрывы звонкого смеха. Шуточки и прибаутки...

– Выше юбку заткни! Пускай водяной полюбуется...

На сочной зелени росистого утреннего луга ярко выделялись желтые и красные, синие и белые юбки. Для пущего удобства раскрасневшиеся от работы девушки подоткнули развевающиеся подолы своих длинных юбок под широкие пояса, обнажили белые ноги, оголили их до полных и сочных в своей юной девственности икр.

– Утянет же под воду! – полные и округлые руки, не останавливаясь, мелькали и сверкали на солнечном свету отраженным светом маленьких капелек-изумрудов.

– У него дворец из самоцветов... – поплыл сладкий шепот.

Некоторые из девушек надели на свои головы широкие и плоские, сплетенные из темного камыша, завязанные под подбородком шляпы.

У большей же части милых прелестниц по плечам, струясь десятками ручейков, развевались белокурые волосы.

Временами то одна, то другая из работниц, низко наклонявшихся над водою, выпрямляла юный и стройный стан и освежала раскрасневшееся лицо, подставляя его навстречу свежему утреннему ветру.

– Ух, притомились! – выполоскав одежды, девушки раскладывали их на большие, плоские, чистые камни, старательно натасканные к пологому берегу, и усиленно колотили белье гладкими кругами из мягкой, белой березы, иногда ударяя шаловливо по поверхности ручья. – Освежись!..

Высоко разлетались водяные брызги, смачивая головы, шеи и груди громко вскрикивавших соседок, промокая тонкую белую ткань рубашек, делая ее прозрачной, бесстыдно обнажая и открывая юные тела.

– В самом соку молодичи! – восторженно зацокал один из мужчин, что пристально разглядывали юных веснянок.

Увлеченные своей работой, девицы не замечали, как с недавних пор за ними неотрывно наблюдают две пары насмешливых глаз.

– Дворовые замарашки! – губы другого презрительно кривились,

Он знал, что приехал не для того, чтобы задира́ть подолы служанок. Хотя, в молодости никогда этим не брезговал и охотно принимал участие в таких задорных забавах, как облавная ловля ничего не подозревающих дворовых девок.

– Луговые цветы пахнут почище комнатных кустов! – губы первого сжимались и расплывались в плотоядной улыбке.

Он приметил для себя одну из юных прачек. Его спутник, напротив, смотрел совсем в другую сторону...

Неподалеку от цветущей полянки, на перекрестке двух дорог, в тени густого, разлапистого и широколиственного орешника, стояла длинная телега, запряженная двумя белыми конями.

Над самой телегой, на шести полукруглых обручах натянули навес из толстой парусины. Многочисленные корзины, расставленные на земле около повозки, доверху наполненные уже высохшим бельем, желающему могли рассказать о том, что работа эта длится довольно долго.

Возвышаясь над всеми, небрежно опираясь рукой на телегу, стояла статная девушка необычайной красоты.

Стройная и безукоризненно сложенная красавица, почитай, на целую голову превышала двух своих спутниц, также достаточно высоких.

Пригревшись под ласковыми и теплыми лучами, девица сняла свой голубой плащ и повесила его на край телеги. Ее одежда поражала взгляд своей нереально ослепительной белизной.

Ее шея и поразительно изящные и красивые руки были обнажены, и белая кожа матово мерцала, не блестела, подобно беловатому мрамору. Свободно спускающаяся с плеч одежда стягивалась на бедрах широким поясом из тонкой кожи, окрашенной в голубоватый цвет.

Такого же цвета рубец подола заканчивался, чуть не доходя до изящных щиколоток. Ноги девы были обуты в искусно сплетенные из соломы красивые сандалии, зашнурованные на подъеме красными кожаными ремешками.

На королевской дочери не имелось золота, кроме ее собственных волос. Они сами по себе составляли отдельное чудо, так поразительны были их переливающаяся на свету шелковистость и невероятная густота.

Над чистым лбом девы, подобно императорской диадеме, выложили косу, а позади нее оставшуюся массу волос разделили еще на две косы, роскошно спускавшиеся ниже колен.

Выпрямившись во весь рост, она прислонилась к телеге, положила правую руку на спину одного из коней, а другую десницу подняла над своими глазами, защищаясь ею от солнечных лучей.

Дочь короля Визигаста зорко наблюдала за работой девушек на ручье и на лугу. Ее большие, блестящие, золотисто-карие глаза, цветом своим напоминавшие орлиные, смотрели проныцательно, решительно и смело.

Иногда она горделиво поднимала свой резко очерченный прямой нос и круглые каштановые брови.

– Она божественно прекрасна! – прошептали восхищенные мужские губы. – Ты не находишь?

– Дозволь, повелитель, и мы устроим потеху, развлечемся, – Баянчи тронул засмотревшегося вождя за плечо. – Смотри, сколько прекрасных дев, готовых по первому твоему зову отдать тебе свое сокровище. Пускай и не по своей воле, но об этом их спрашивать никто не собирается. Они для того и родились, чтобы стать сладкой утехой для сильных мужчин...

– Подожди, пусть, – рука Аттилы протянулась в сторону королевской дочери, – пусть она уйдет. Я не хочу ее пугать. Она мне нужна...

Сладкоголосый горбун непонимающе повел плечом:

– Зачем она тебе? Я слышал, что отец девицы обручил ее с Дагхаром.

– Зачем? – вождь медленно повернул к уродцу свои затуманившиеся неизведанным будущим глаза. – Фессалийский прорицатель, предсказав мне смерть в объятиях женщины, в то же время сказал, что от белокурой красавицы, подобно которой я еще никогда не видел, у меня родится сын, наследующий всю мою славу и величие, и под власть которого попадут все народы земные. С той поры я жажду встретить эту красавицу. И вот, кажется, я ее все-таки нашел...

Дьявольские искорки издевательски засверкали в глазах Баянчи:

– И ты веришь лъстивому прорицателю?

Аттила усмехнулся:

– Я убедился в справедливости его слов. Ты знаешь, что по древнему хуннскому преданию только тот прорицатель говорит правду, на печени которого есть маленькая звездочка из белых полосок. Поэтому по смерти предсказателя у него вырезают печень и осматривают ее. Но я не мог ждать, когда он сам умрет, и потому приказал его убить. Белую звездочку нашли, и это уничтожает всякие сомнения.

– Ты уверен, что это именно она? – усмехнулся Баянчи.

Темный капюшон спал с желтого лица Аттилы, теперь пылавшего яркой краской. Пронзительные глаза его сверкали, как у голодного волка.

– Никогда я не встречал подобной красоты! – произнес он. – Ни разу в жизни не загоралась во мне подобная страсть. Вот она! Вот та, которая одарит меня настоящим наследником – повелителем мира!..

Уставшая королевская дочь отдыхала в тиши дубравы, когда до нее донеслись пронзительные крики и визг, несущиеся со стороны ручья.

– Что там? – насторожилась она.

Немного времени спустя, посланная служанка доложила о том, что небольшой отряд хуннов налетел на работающих девушек, выхватил из толпы двух самых юных веснянок и скрылся...

Через неделю Аттила созвал самых близких людей на небольшой пир, устраиваемый им, как многим могло показаться в честь помолвки сына короля скирлов и дочери короля ругов. Наступило время ужина во дворце. Хунны и те, кого удостоили высокой чести быть приглашенным, почти исключительно одни мужчины, сидели в огромной зале, которая одновременно служила и для приемов, и для пиров.

Молчаливый слуга ввел Визигаста, Ильдико и Дагхара. При входе в залу красивые мальчики, в золотой и шелковой одежде, подали гостям серебряные чаши с вином, и Баянчи предложил им выпить за здоровье Аттилы. Повелитель хуннов сидел далеко от них, в глубине залы.

Перед высокой, самой простой деревянной скамьей, служившей ему сиденьем, поставили продолговатый стол из кованого золота. Позади скамьи несколько ступеней вели в спальню вождя.

Вдоль стен стояли расставленные столы и скамейки. Они поражали своей роскошью: некоторые были из серебра, другие из дорогого мрамора и дерева. Покрывала, подушки и ковры были из китайского шелка.

Различные блюда, тарелки, кубки, чаши и ковши – из золота и серебра, усыпанные драгоценными камнями, жемчугом.

Все эти сокровища собирались как добыча или преподносились как дары в течение десятков лет из трех частей света.

– Ваша скамья... – учтиво указал слуга.

Почетные места, по правую руку от Аттилы, отвели для германцев.

Когда все трое прибывших гостей остановились у своих мест, они поклонились зорко наблюдавшему за ними повелителю.

– Да здравствует Повелитель! – хором протянули они.

Гордая голова Дагхара склонилась далеко не так низко, как подобало в подобных случаях, и вождь хуннов грозно взглянул на юношу. Королю он кивнул довольно благосклонно. На поклон же Ильдико только чуть прикрыл безразличные к ней глаза, словно вовсе не замечая девицы, хотя с самого ее появления не переставал за нею следить, внутренне кипя и пылая выжигающей душу страстью.

Почему-то рассадил германцев, прибывших вместе не рядом друг с другом, а отдельно. У Визигаста и Дагхара справа и слева сидели по две юные дочери хуннского рода. Еще ближе поместилась Ильдико между пленной супругой римского военачальника и юной заложницей, дочерью одного из вождей антов. Впрочем, обе они восседали в очень дорогих одеждах, на которых выделялось множество драгоценных украшений.

Несколько озадаченная Ильдико впервые видела перед собой Аттилу. Но его мужественное лицо, как и горделивое величие, несколько ее не поразили и ничуть не смутили.

Она прямо, грозно и упорно смотрела ему в лицо, и такая холодная, неумолимая, смертельная ненависть сказалась в ее взгляде, что невольно, с легкой дрожью, он на мгновение прикрыл глаза.

– Хорошо, что вы, наконец-то, прибыли, – произнес Аттила после небольшого молчания. – Прежде всего, приветствую вас, мои гости. О делах поговорим после. Полагаю, мы сегодня отпразднуем помолвку... и также свадьбу... – медленно, растягивая последние слова, закончил он.

И лишь ему одному было известно, чья именно состоится свадьба, и какая незавидная участь уже уготована прибывшим вместе с девушкой коварным заговорщикам Дагхару и Визигасту...

Неподвижные черты Аттилы вдруг оживились, когда в залу вбежал прекрасный мальчик лет пятнадцати в богатой одежде. Он поднялся на возвышение, опустился на колени возле Аттилы, прижался к нему своей прелестной головкой, поднял на него свои большие карие глаза.

– Кто это? – тихо спросила Ильдико у Лидии, горделивой римлянки.

– Это Эртак, любимый сын повелителя.

Айни, дочь вождя антов, лукаво посмеиваясь, добавила:

– Он родился от дочери короля готов, пришедшей искать его любви.

– Бедняжка! – вздохнула Ильдико. – Она была слепа на оба глаза, если сама пришла к варвару!

– Менее слепа, чем ты, – усмехнулась Лидия.

Приблизившись к уху соседки, Айни заговорщицки прошептала:

– Зато ее отец и братья живы...

Мечтательно облизнув губки, Лидия жарко выдохнула:

– Аттила может доставить женщине неземное удовольствие!

Сильно пораженная ее словами, Ильдико уставилась на бесстыдно выпирающий живот римлянки, на который она поначалу не обратила внимания. Хотя, отцом будущего ребенка мог быть и муж Лидии.

– Не познав сладости его любви, ты много потеряешь! – искушала ее римлянка, недвусмысленно оглаживая свои набухшие груди.

– Ежели станешь женой Аттилы, – нашептывала Айни, – и твоего отца ожидает почтенная старость!

Юная дочь Визигаста посмотрела в сторону отца и своего жениха.

– Я обручена с Дагхаром! – заявила Ильдико.

Лидия и Айни переглянулись. Видимо, им нечто было известно. Или же они попросту догадывались о том, имея определенный опыт.

– Бедный Дагхар не доживет до рассвета... – едва слышно обронила Айни. – В своем счастливом неведении он еще мнит себя победителем...

Веселый пир продолжался. Визигаст и Дагхар не успевали осушать свои кубки, как в них снова подливали крепкое вино. Языки развязались, несли то, о чем трезвые предпочитают умалчивать, опасаясь чужих ушей.

Юные соседки откровенно ластились к ним, висли на их плечах. От восхищенной лести мужчины потеряли разум. Их руки проникали под туники, откровенно лапали нежные девичьи тела...

– Пойдем со мной, ты не пожалеешь! – обольстительный шепот девы ожег ухо разгоряченного Дагхара.

К тому времени он успел позабыть о том, что обручен с Ильдико, его мысли совершенно запутались. Подняв кубок с вином, Дагхар поднялся и обвел залу пьяными глазами.

– Я пью за то, что скоро мы станем свободны! – провозгласил он.

– Разве ты не свободен? – прильнула к нему его юная соседка.

– Мы все во власти тирана!

Подняв голову, Визигаст дурашливо ухмыльнулся:

– Ему недолго осталось!

– Конец его близок!

Оба германца наперебой бахвалились, слово за словом выдавая все твой тайные помыслы...

Подав условный знак, Аттила поднялся и покинул залу. Он прошел в небольшую комнату, уселся на широкое ложе из дерева. Спустя немного времени зашла одна из юных обольстительниц, соседка Дагхара.

– Они замыслили против тебя заговор. Все готово... – сообщила дева.

– Позови ко мне Айни! – приказал Аттила.

Юная дочь вождя антов своим легким шагом впорхнула в комнату, моргнула, услышав приказ, и заперла дверь на деревянный засов.

– Садись! – повелительно произнес мужчина.

Глядя в его расширившиеся глаза, Айни все поняла. Аттила хотел ее. Вернее, он возжелал Ильдику. Страсть его была сильна, но удовлетворить ее мужчина мог пока лишь только с другой женщиной, ибо Ильдика все еще оставалась временно недостижимой.

Расстегнув застежку из золота и драгоценных камней, Айни скинула с себя тунику и замерла. Она точно знала, что нагое тело ее ослепительно красиво, что оно нравится мужчинам. Аттила плотоядно улыбнулся и протянул к ней руку:

– Иди ко мне!

Опустившись на деревянное ложе, девушка грациозно откинулась на спину, завела руки за голову, бесстыдно выставляя напоказ свои тугие и волнующие мужской взор груди, подтянула к себе и медленно развела в сторону коленки, открывая шелковистую ложбинку...

Сполна насладившись податливым телом прекрасной Айни, Аттила, не глядя на девушку, глухо спросил:

– Узнала?

Пряча глаза, Айни промолвила:

– Она обручена с Дагхаром, любит его.

– Тем хуже для них, – Аттила помрачнел. – У них еще оставался шанс, но они не захотели им сполна воспользоваться...

– Каждый в этом мире имеет право на выбор... – в девичьих глазах застыла непонятная недосказанность.

Вернувшись в залу, вождь хуннов остановился возле трона.

– Двадцать дней тому назад, – негромко произнес он, и все притихли – на одном из дунайских островов, в темную ночь, двое из моих рабов сговаривались между собой! Они думали, что их никто не слышит! Но их слышало провидение!

Дагхар и Визигаст вздрогнули. Они все поняли, хоть и были пьяны.

– Хватайте их!

Приказание исполнили с такой мгновенной быстротой, что германцы не успели опомниться. Соппротивление оказалось невозможным. Четыре воина бросились на престарелого короля, четверо других – на Дагхара.

Несчастному юноше удалось на мгновение высвободить руку, и он со страшной силой метнул свой меч в Аттилу. Слуга, заметивший движение смерти, с криком заслонил вождя и тут же пал без дыхания к его ногам с пронзенным горлом.

Сильные руки впились в руку Дагхара. Визигаста повалили на пол и коленом придавили ему грудь.

– Прекрасная невеста, – Аттила посмотрел на Ильдику, – не печалься. Ты нынче же выйдешь замуж! Ты станешь моей женой в тот самый час, когда этот несчастный будет корчиться на кресте!

Когда Дагхар увидел, как на руки Ильдику надевают широкие оковы из золота, он глухо застонал.

– Я убью тебя! – выкрикнул он.

Аттила разразился страшным смехом:

– Старика распять, а мальчишку посадить на кол!.. За стеной моей спальни. Ты услышишь его жалобные крики, моя прекрасная невеста, в нашу первую брачную ночь!

Вздрыгнув, девушка глянула на него своими широко раскрытыми и неподвижными глазами. Вождь поежился, он опустил веки. По его спине пробежала холодная дрожь...

Войдя в спальню и не глядя на свою невесту, Аттила снял с головы широкий золотой обруч и положил в ларь с драгоценностями. Следом он отстегнул пряжку и сбросил плащ, остался в полотняной рубашке.

Несмотря на весь свой богатейший опыт общения с женщинами, Аттила странно, будто неискушенный мальчишка, робел перед Ильдиком, трепетал перед нею. Чтоб запастись отвагой, он потянулся к золотой чаше с крепким вином.

– Я ненавижу тебя! – выдохнула Ильдику, когда он приблизился. – Ты мне противен!

– Ты еще не знаешь, от чего отказываешься! Ты полюбишь меня! Ты родишь мне сына! – мужские руки сорвали с нее всю одежду.

Пораженный красотой лежавшей девушки, вождь остановился. Он на миг затаил дыхание. Двумя высокими буграми вздымалась юная грудь. Ее плоский живот нервно подрагивал в ожидании его грубого натиска. Ее длинные, крепкие бедра сжались, преграждая путь к шелковистому лону.

За стеной слышались глухие крики. Несчастного юношу выводили к месту казни. Он сопротивлялся, упирался изо всех сил. Его пришлось волоком волочить по земле.

– Нет! – девушка зажмурила глаза, когда сильные руки разломали ее колени и грубые пальцы принялись ощупывать кучерявую опушку. – Нет, я не буду твоей! Лучше смерть, чем...

Усмехнувшись, он промолчал. Мужчина наслаждался, погружаясь в нежную расщелину, таившуюся посреди золотистых завитков, проверяя нетронутую никем девственность.

– Нет! – донесся из-за стены истошный вопль.

Воспользовавшись секундным замешательством Ильдику, следившей за происходящим снаружи, вождь мгновенно овладел девушкой.

– Нет! – в отчаянии выкрикнула она, изогнувшись вся в спине, пытаясь столкнуть с себя насильника, но все ее потуги оказались тщетны...

Когда Ильдику очнулась, мужчина крепко спал. Обмотав свою косу вокруг его шеи, девушка растянула концы...

На пороге опочивальни вождя расположились его верные слуги. Все было тихо вокруг дворца. Услышав полузадушенный крик, начальник стражи вскочил и приложил ухо к замочной скважине.

– Вы не слышали? – спросил он у своих воинов.

– Ничего не слышали...

Стражи снова спокойно улеглись, погрузились в ленивую дрему.

Короткая летняя ночь миновала. Звезды погасли. Взошло лучезарное солнце. Наступило утро. Миновал полдень...

Часы проходили, Аттила не появлялся. Начальник стражи попытался войти в спальню. Дверь оказалась изнутри заперта на задвижку. Прибыл гонец, привез важные вести. Страж застучал в дверь:

– Аттила! Ильдику! Отоприте! Германцы восстали!

Тяжелая задвижка с натужным скрипом медленно отодвинулась, и дверь раскрылась, на пороге показалась бледная Ильдику.

В спальне царил полумрак. Яркие солнечные лучи не пробивались сквозь спущенные занавеси. Золотая чаша с вином валялась на устланном мехами полу посреди красной лужи, похожей на кровь. От нее исходил сильный аромат, наполнял собой всю комнату.

На широком ложе неподвижно возлежал Аттила. Казалось, что он крепко спал. Лицо его было прикрыто пурпурным покрывалом.

– Он спит? – спросил стражник.

Ильдико не ответила. Тогда воин откинул покрывало и вскрикнул от ужаса, овладевшего им. Широко раскрытые стеклянные глаза с налитыми кровью белками взглянули на него. Багровое лицо застыло в страшной и полной смертельной муки судороге. Оно раздулось. Подбородок, шея и белая шелковая одежда были заляпаны кровью.

– Умер? – дико вскрикнул начальник стражи. – Нет! Его задушила внутренняя кровь!

– Я задушила его! – призналась девушка.

– Убит женщиной! – с горестью воскликнул стражник. – Ты врешь из упрямства! Он не мог погибнуть от руки женщины!

Ильдико пожала безразличными плечами. Ей сейчас хотелось только одного, чтобы весь этот кошмар поскорее закончился.

– Я все придумала от охватившего меня великого горя! – девушка зло усмехнулась. – Аттилу отравили враги. Он пил вино!

– Он пил вино! Его сразил удар! Наш великий вождь умер великой смертью в объятиях великой любви!

Так не стало великого Аттилы...

Глава II. Орда Ашина

Вот и наступил тот момент, когда Насима смогла услышать подробный рассказ о продолжении странствований ее неприкаянного брата, отправившегося в далекие страны...

...Покачивающейся после долгого путешествия по воде походкой, шел княжич Глеб по непривычно твердой поверхности и с интересом оглядывал укрепленное со всех сторон местечко.

Город по имени Болгар имел почти правильную треугольную форму. Окружал его насыпной вал высотой в два-три человеческого роста. Перед валом вырыли глубокий ров.

На земляном валу стояли деревянные стены, выполненные по типу клетки, которые представляли собой «кубы», рубленные из массивных бревен, заглубленные в землю. Толщина их достигала почти двух метров.

А перед клетями, кроме того, стояли надолбы. На вершине клетей устроили боевой ход. Высокие сторожевые башни представляли собой восьмигранники или же имели все двенадцать сторон.

– Умеют строить болгары! – Глеб одобительно кивнул.

Хоть и не столь пристально присматривался гость, одетый, как араб, но многое он успел заметить. Выполнив все свои дела на берегу, оставив послание для госпожи Суюм, он вернулся на берег, к своему кораблю, на котором они совершили столь дальнее и длительное путешествие...

Двухмачтовый красавец «Бегущий по волнам» стоял возле причала, который находился рядом с торгом Агабазар.

Шумный базар располагался на самом берегу реки Итиль. Со всех концов земли добирались до него купцы. Оживленная торговля кипела на славном, известном во многих дальних землях и странах базаре.

Торговали тут не только весной и летом, не прекращались торги и зимой. Самая крупная и важная пристань всего государства, торговая площадка и точка сборов налогов.

По всему берегу лепились лавки и навесы, спускались до самой воды. Одни бестолково теснились, другие обставлены были обстоятельно.

К лесу, поднимаясь вместе с берегом, уходили многочисленные шатры, тяжелые, из толстого войлока, и временные, легкие, из простого тканого полотна. Виднелись огромные загоны для скота...

– Эй, шевелись! – со всех сторон доносились резкие, как удары хлыста, выкрики надсмотрщиков. – По плети соскучились, дармоеды?!

С берега на палубу корабля перебросили широкие сходни. По ним невольники, блестя своими почерневшими на солнце и лоснящимися от пота спинами, катили огромные бочки с медом, тащили на себе мешки с зерном. Самое ценное и дорогое уже погрузили. Часами мог Абдулла-ага стоять возле мехов, наслаждаясь их блеском и мягкой теплотой...

Доставленный с берега товар разместили на палубе, тщательно его закрепили. Ничто не мешало отправляться в обратный путь.

– Хозяин, можно отчаливать, – рулевой осторожно просунул голову в дверь каюты, где корабельщик любовно накидывал соболью шкурку на плечики полуобнаженной женщины.

– Еще раз проверь все, Исмаил, – купец небрежно отмахнулся рукой, не в силах оторвать восхищенный взгляд от женского упругого соска, игриво выглядывающего из-под черного с серебристым отливом меха.

Сходни убрали. Концы отдали...

Еще с самого утра задул слабенький полуночный ветерок, и бордово-красные шахматные паруса надулись, живо затрепетали.

Радостные гребцы повалились по своим лавкам. Они пошли вниз по течению, подгоняемые силой ветра, и их длинные весла помешают ходу, начнут тормозить. У них в запасе, возможно, много-много дней отдыха. Правда, и кормить в эту пору их станут намного хуже...

Дней через пять или шесть пути, благополучно миновав последнюю сторожевую крепость булгар, путешественники свернули. Пристали они к тихому песчаному берегу.

– Исмаил, разбивайте лагерь!

– Слушаюсь, хозяин...

– Шевелись, дармоеды!

Глядя на спокойного купца, его неторопливые движения и уверенные команды, княжич Глеб понял, что арабы этот кусочек земли – небольшой остров, весь заросший высокими камышами и густыми зарослями ивняка, знали давно. Абдулла-ага вел себя, как дома. Ловко и быстро поставили войлочные шатры, по-хозяйски устроили очаги, сняли с палубы корабля парочку баранов, казаны, всю необходимую посуду.

Несколько воинов, прихватив с собой луки и оружие, отправились на охоту. Видно, на этом острове еще водились сайгаки и джейраны...

Когда на берегу все окончательно обустроили, поставили шатры, в железных котлах-казанах закипело, забулькало варево, на берег по узким сходням, робко бросая по сторонам сторожкие взгляды, сошли девушки-невольницы, которых Абдулла-ага купил на торжище Агабазар.

Молодые рабыни, завезенные с севера черемиски, мокша и мордва, застенчивые удмуртки, буртаски с правого берега Итиля. Были среди них и печальные, удрученные булгарские девушки.

Северянки выделялись среди всех. Особо среди черных бородатых арабов бросались они в глаза своими светлыми лицами и волосами цвета солнца или спелой пшеницы. Невольно своим видом девы приковывали к себе жадные и похотливые взоры соскучившихся по бабам мужчин.

– Какой персик! – восхищенно зацокал языком гребец с вдоль и поперек испещренной рубцами мускулистой спиной, показывая рукой на девушку с пышными формами, выпирающими из-под легкого одеяния.

– А мне нравится та, с волосами цвета пшеницы...

– Да в ней одна кожа да кости...

Всех невольниц под надежной охраной угрюмых, вечно молчаливых евнухов отвели к другому берегу, где они, все еще сильно стесняясь своих безмолвных стражей, стараясь скрыться от окруживших их со всех сторон бесстыжих взглядов воинов и гребцов, поспешно шагая, вздымая кучу водяных брызг, погрузились в реку. Плескались, мылись, стирали и старательно полоскали белье...

Недовольно ворча, Насыр наблюдал за арабами. Все люди его рода и племени всегда в любой женщине – свободная она будь или невольница – чтили мать, кормилицу своих детей, хранительницу очага.

Старый Насыр относился к тем самым детям природы, выросшим среди нетронутых урманов и пущ, где рядом с человеком обитали волки, медведи, иное и другое зверье.

Воспитанные в духе уважения и почитания старших, они считали, что непростительный грех для мужчины – обидеть и унижить женщину.

Булгары-язычники сурово наказывали как мужчину, так и женщину за совершенное ими прелюбодеяние. Всех виноватых в содеянном грехе привязывали за ноги и руки к четырем врытым в землю лемехам. После этого рассекали тело и каждую половину вешали на дерево, где они так и висели на всеобщем обозрении до полного разрушения...

В Священной книге за то же самое действие наказывали ста ударами кнутом. Кроме того, женщину заключали в тюрьму до конца ее жизни...

Вездесущие арабы принесли им с собой новую веру. Они считали ее самой правильной, ревностно служили ей. Но никогда ранее Насыр еще не видел вокруг себя мужчин, столь откровенных и жаждущих женщин. Бесстыжий жеребячий гогот широкими волнами прокатывался по берегу.

Княжич стоял молча. Недовольная гримаса застыла на его плотно сжатых губах. Ему до слез было жалко всех этих девушек, волею злого рока оказавшихся в чужих руках, проданных в неведомые земли, может, еще до конца не осознающих своей горькой участи рабынь, совершенно бесправных существ.

Не знал Глеб, как обходились с этими девушками до самого торга, на котором он тоже присутствовал, насмотрелся на их обнаженные тела.

Рабынь было так много, что они переставали волновать и вызывали лишь неприятное чувство. Но до этого самого момента их путешествия по реке, пока они еще плыли по болгарской земле, с ними обращались довольно сносно. Что станет с ними дальше, как знать...

– Нравятся тебе, Галиб? – за спиной послышался многозначительный смешок. – Красивые девы? – с понятным намеком спрашивал Абдулла-ага, показывая рукой на купающихся, на время позабыв обо всем, озорно плещущихся и весело резвящихся девушек.

– Красивые, – княжич неопределенно пожал плечами.

Невольно его взгляд снова прошелся по девушкам, словно забывшим о своей неволе и беззаботно купавшимся в речной воде.

– Молоденькие девы, они все еще красивые. Так и ты же некрасивый товар не купишь? Не правда ли?

– Твоя истинная правда, дорогой кунак, – купец усмехнулся. – Зачем мне брать то, что потом не будет пользоваться хорошим спросом?

Весь довольный вид хозяина судна без утайки говорил, что на том и построена вся его торговля: где-то подешевле купить, а потом все где-то подороже продать... Простая арифметика...

– Скажи-ка, Абдулла-ага, – княжич повернулся к берегу спиной, отступив назад на пару шагов, – надолго здесь задержимся?

– Дня на два, может, три. Отдохнем от забот, устроим веселый пир...

– И все? – Глеб подозрительно прищурился, заметив вдруг в хитро забегавших глазах араба нечто неладное. – На это и одного дня хватит.

– Посмотрим мы поближе, – корабельщик потер ладони, – на наших красавиц. У болгар правила весьма строгие. На их земле к девам просто так не подступиться. Держать же свою наложницу, как я, у воинов денег нет. А природа, сам понимаешь, своего требует...

После недвусмысленных слов Абдуллы, сопровождавшихся весьма красноречивыми жестами, Глеб все окончательно понял. Чего уж тут не понять. Лишь строгость законов кое-кого способна остановить. И дело все не в вере, а в самом человеке, в его природной распушенности.

Как только недремлющее око закона по той или же иной причине перестает за ними следить, вся их сущность вырывается наружу...

– А здесь вам уже полная воля и никаких препятствий? – усмехнулся княжич. – Делай, что хочешь, вдали от недремлющего ока закона...

Пожевав губами, корабельщик пожал плечами:

– Что поделаешь, без этого нельзя. После кутежа гребцы становятся тихими и спокойными. Еще тише ведут себя невольницы...

Ушлый хозяин судна знал, что говорил. После дикого разгула вряд ли у девушек останутся какие-то надежды на что-то светлое в ожидавшей их судьбе. Гордячки после низкого унижения сломаются, непокорные легче смирятся со своей неизбежной участью...

– А без насилия нельзя?

– Да нет, – корабельщик, прищурившись, с едва заметной толикой сожаления вздохнул. – Никак нельзя...

– Нет? – княжич с недоверием и сомнением в глазах качнул головой.

Ироничная ухмылка скользнула по толстым губам корабельщика:

– Одни евнухи не смогут сохранить столь ценный товар в полной сохранности. Случай был один, мой дорогой кунак, когда раззадоренные гребцы подговорили охрану и вместе взбунтовались. Купцу привязали на шею камень и кинули в воду. Рабынь разобрали себе. Я бунта не хочу. Собаку на привязи долго не держат, ибо сбесится. Сегодня у нас будет большая потеха. Ты – мой кунак, выбирай себе любую. У тебя есть свой шатер. Рай и блаженство...

– Мне никого не надо, – угрюмо насупившись, отрезал Глеб.

– Тебя сжигает любовная страсть к прекрасной женщине? Ха-ха! – придерживая забулькавший живот, зашелся араб в неудержимом смехе. – Страдания и любовь! Скажи, разве это удел настоящего мужчины? Его дело – копить и наживать богатства. Женщина – это всего лишь вещь, она нужна настоящему мужчине, чтобы разделять его ложе, доставлять ему искрящую радость и неземное наслаждение.

– Абдулла-ага! – голос у княжича зазвенел. – Я прошу тебя!

– Хорошо-хорошо, оставим этот разговор. Пойдем ко мне в шатер, выпьем хорошего вина. Чтобы развеселить тебя, дорогой кунак, мой соловей в золотой клетке и моя радость расскажет тебе сказку. Тебе же, Галиб, нравятся сказки? Ради одной ты уже проделал огромный путь...

Маленькая женщина с матово-белым лицом приветливо встретила их у порога шатра. Лишь глаза ее хранили в своей глубине непреходящую печаль. Как-то княжич спросил у купца, почему он не продал ее на торге Агабазар, как собирался это сделать.

Абдулла-ага рассмеялся и покачал головой. Потом сказал, что другой такой может уже и не найти. Рабыня будто бы была когда-то принцессой, родом из самого Константинополя. Много она знала и умела. Никто так больше не может доставить мужчине удовольствие, как она...

– Мой цветок, – купец развалился на мягком ложе, – Расскажи-ка нашему гостю про то, как болгарская принцесса полюбила юношу и из-за этой несчастной любви хазары сожгли столицу Булгар...

Покорно кивнув, невольница попросила гостя набраться терпения и внимательно выслушать ее рассказ:

– Все случилось, если мне не изменяет память, триста лет тому назад. В те времена, когда болгарский хан Алмуш отправил тайное посольство к багдадскому халифу с просьбой о помощи против хазарского кагана...

И имелась у правителя прекрасная дочь с лицом подобным сиянию лунного цветка. Сватался к ней вождь одного из народов, подвластных болгарскому хану, но повелитель отказал ему.

Не стерпев обидно высказанного прямо в лицо издевательства, бий переметнулся на сторону злейшего врага булгар – хазарского кагана и в знак преданности новому владыке рассказал ему про прекрасную Аппак.

Повелитель хазар сильно разгневался на то, что хан булгар скрыл от него бесценное сокровище, пошел войной на булгар, разорил столицу их и снова ушел к себе...

Тихо в коротких паузах скрипело перо историка...

Никто не посмел прервать рассказчика, и лишь Суюм в общих чертах знавшая историю про Аппак, воспетую в стихах, позволила себе вежливо остановить неторопливый бег его повествования:

– Прости меня, почтенный, пропустим сие место. Княжич, может, не знал, что про эту сказку мы уже ведаем. Вернемся к ней чуточку позже. А пока отправимся с ним, с Галибом, в путь дальше...

Словно извиняясь, женщина мило улыбнулась. Живая история нынче их интересует намного больше, чем славные предания старины.

– Хорошо, ханум, – Хаджи Хасан улыбнулся. – Уединившись в своем шатре со своей прекрасной принцессой, может, и из рода византийских императоров, приятно отдохнув, дав возможность то же самое сделать своим воинам и гребцам, Абдулла-ага дал команду продолжить путь...

...«Бегущий по волнам», поскрипывая, отчалил от приветливого берега и понесся вниз по течению. Ветер переменился, дул им навстречу, гнал со степи невыносимую жару.

Снова защелкал своим бичом надсмотрщик и застучал в деревянный барабан. Но гребцы не роптали. Таково условие: дни отдыха они должны были отработать и нагнать время, потерянное на веселые потехи...

Маленькая печальная женщина, как-то проходя мимо загрустившего княжича, бросив по сторонам настороженные взгляды, тихо шепнула:

– Вчера ночью пьяный Абдулла проговорился, похвалялся, что, мол, он много знает, мог бы тебе и помочь, если ты ему хорошо заплатишь. Он тоже со всем вниманием выслушал, когда вы останавливались у горы Урака, сказку колдуна Гаука и хорошо знает человека, который смог бы тебе поведать о том, куда исчез народ хуннов...

Обрадованный и встревоженный, Глеб подступил к купцу, который стоял у борта и отрешенно смотрел вдаль.

Много стран и городов знал Абдулла-ага. Багдад, Бухара, Самарканд. Бывал он и в болгарских городах, посетил Биляр, Сувар, Елабугу... Но больше всего ему в этой стороне нравилась сама река Итиль.

Спокойная и неторопливая своим норовом, неповторимая красотой берегов и чистотой своих прозрачных вод, она не походила ни на одну из рек, которые он видел.

Удобно устроившись на носу корабля, купец часами любовался. Не мог наглядеться он на проплывающие мимо возвышающиеся берега, темно-зеленые от собственной тени урманы, яркие и веселые, зеленеющие летом просторные луга...

Любил смотреть Абдулла-ага на робко бегущую по земле тень от небольшого облачка. Иногда она подолгу сопровождала их, то догоняя и перегоняя, то перебегая по полям, лесам и перелескам, взбиралась на невысокие холмы. Задумчиво глазел на небо и дивился тому, что порой облака и тучи неслись по небу в разные стороны. Как же чудно устроен их мир. Не всему можно найти подходящее объяснение...

– Говори, не томись...

– Скажи-ка, Абдулла-ага, что известно тебе про...

Внимательно выслушал купец взволнованную и прерывистую речь княжича, долго молчал, в уме выторговывая условия, потом усмехнулся, взмахнул обещающей рукой:

– Если ты хорошо заплатишь, я помогу тебе.

Молодой араб кивнул согласной головой:

– Мы договоримся...

– Искать, – задумчиво поглядывая вдаль, добавляя весомости своим словам, произнес купец, – следы пропавшего народа надо тебе начинать в Хаджи-Тархане, разгромленной столице хазар. Кажется, вы прозвали ее у себя Итиль-тора. Сами же хазары, будто называли этот город Итиль. Я, кунак, тебе помогу найти человека, который многое слышал...

– Что же ты мне, почтенный Абдулла-ага, – возмутился княжич Глеб, – раньше ничего не сказал? Мы же проходили мимо развалин той самой столицы. Зачем мы зря проделали

огромный путь? Я бы мог остаться и все узнать в Хаджи-Тархане. Потеряли бы всего дня два-три...

Глеб укоризненно качнул головой. Давно он уже был бы у себя дома, смог бы увидеть и обнять свою любимую сестру Настеньку...

– Прости, кунак, – пряча улыбку, ответил купец. – Для меня каждый день дорог. А путешествуя с тобой по территории вашей Булгарии, я чувствовал себя в полной безопасности. Потерпи немного. Через два дня будем в Хаджи-Тархане. К тому же, ты собирался вернуться в Ургенч...

Светлая улыбка украсила губы молодого человека. Снова перед его глазами возникла девушка с запахом миндаля и мяты по имени Кафия, и он явственно ощутил вкус ее чудных и податливых губ. Не думал он, что та ночь оставит в его душе ничем неизгладимый след...

Серый рассвет едва обозначил начало нового дня, когда на горизонте показалось небольшое селение, все, что осталось от некогда цветущей столицы хазарского каганата.

Из густых и высоких камышей стаями поднимались чирки, чибисы, утки. Но открывающаяся красота больше не волновала княжича.

Ожидание чего-то, просто так одними словами необъяснимого, бурно гнало и будоражило его молодую кровь.

Подожли они к полуразвалившимся, сгнившим от времени останкам того, что в прежние времена гордо именовалось причалом и составляло часть огромной гавани тогдашней столицы мира.

С трудом пришвартовались, скинули на землю узкие сходни.

В сопровождении нескольких воинов Абдулла-ага, Глеб и старый слуга Насыр отправились на поиски.

Не останавливаясь и не обращая внимания на снующих чумазых маленьких ребятишек, голоштаных и босоногих, нагло цепляющихся за края одежды, протягивающих грязные руки, выпрашивающих подачку, они прошли мимо жалких лачуг, то тут, то там выросших из темной воды, поставленных на деревянные сваи, покрытых побуревшим камышом...

На их пути попадались остатки того, что раньше гордилось своим величием. Фундаменты когда-то роскошных зданий были растащены по камешку. Кругом царило страшное запустение.

Лишь крысы по-хозяйски выглядывали, нагло смотрели им в глаза, провожали своим взглядом горящих нездоровым огнем глаз.

И вот княжич растерянно оглянулся. Разве может тут жить человек? Заметив смятенное движение своего спутника, купец усмехнулся:

– Люди, мой дорогой кунак, живут везде, даже в этих трущобах, где, кроме вечно голодных крыс, казалось бы, другим тварям делать нечего.

В низкой лачуге, убого выстроенной из больших, плохо подогнанных камней, кое-где местами густо замазанных красной глиной, смешанной с конским навозом, где от зияющих дыр оставались лишь узкие щелочки, на деревянном топчане сидел седой и древний, как сам их мир, старик. Его незрячие глаза неподвижно уставились на вход в жилище.

– Салам, Гаджи-Гасан, – приветствовал его купец. – Это я, Абдулла. Я привез тебе провизию.

– Ходай, наш всемогущий Бог, воздаст тебе за твою заботу о нищем старике, – мелко трясущаяся рука с жадностью приняла кусок лепешки.

– Когда ты ел в последний раз? – корабельщик внимательно осмотрел жилище, пустые полки, а на них ни единой крошки.

Зато во всех углах зияли дыры, прорытые вездесущими крысами. Не они ли начисто подметали все остающееся за хозяином...

– Два дня назад внук забегал, – прошамкал чуть повеселевший дед, почувствовавший вкус хлеба, – оставил немного еды. Им самим еды не хватает. Раньше к нам больше народу заглядывало. Я рассказывал им про то, как погибла наша страна. Нынче никого это не интересует.

– Сколько тебе лет, почтенный старик? – участливо спросил княжич.

– Говорят, – старец многозначительно поднял указательный палец кверху, – что мне больше ста лет. Может, и ошибаются. Последний раз я женился, когда мне пошел восьмой десяток. Лет тридцать с того прошло.

Приехавшим издалека его гостям показалось, что они ослышались. Может, все дело было в том, что этот старый огрызок просто не в ладах со счетом? За древностью лет в мозгах у него все перемешалось...

– Ты женился в столь почтенном возрасте?

– У меня был свой дом, – старик важно надулся. – В нем нужна была хозяйка. Потом уже он сгорел. В огне погибла жена, а от горя ослепли мои глаза. У нас родились две дочери. Сынок одной из дочек иногда и прибегает. Не помню, от какой. Столько детей держал я на своих руках и детей своих внуков. Потом пошли дети внуков и внуки их внуков...

– Скажи-ка, Гаджи-Гасан, – купец грубовато перебил нескончаемое перечисление, – куда делся народ хуннов? Ты слышал о таком народе?

На бледных губах немощного старика появилась слабая улыбка. Они чуть приоткрылись и скупно показали беззубый рот с розовыми деснами, которыми, видно, бедный и несчастный человек пережевывал всю пищу.

– Слышал ли я о таком народе? – голова его горделиво выпрямилась. – Это я, Гаджи-Гасан, прямой потомок Ашина?! Меня еще спрашивают!

– Скажи, почтенный Гаджи-Гасан, – вкрадчиво, чтобы еще чем-то не обидеть странного старика, спросил Глеб, – кто такой этот Ашин? Открой нам глаза на его происхождение.

Очень обходительные слова гостя, пришедшего вместе с грубоватым корабельщиком, растопили душу старика, и голос его смягчился:

– Хорошо, путник, я расскажу тебе. Только смочу свой рот глотком вина и запью им лепешку, принесенную вами.

Нисколько не торопясь, старик, словно он испытывал терпение своих гостей, неспешно отламывал от лепешки небольшие кусочки, тщательно их пережевывал, смакуя, запивал терпким виноградным вином...

На лице старого слуги уже начали проявляться признаки нетерпения, но немало времени прошло, пока Гаджи-Гасан не приступил к рассказу.

– Вождь великого народа хуннов, – медленно и торжественно начал он, – умер на середине пятого столетия нового времени и был сожжен на огромном поминальном костре...

Надувшийся гордостью рассказчик, закрыв глаза, вытянул руку и...

– Нам сказали, – Абдулла-ага перебил старика, – что хрустальный гроб с его телом опустили в воды Дуная.

– Про то, верно, рассказали вам на горе Урака? – усмешка исказила ссохшийся рот. – Гаук немного вам приврал. Аттилу – человека с Итиля сожгли на костре, а прах развеяли по ветру. Кто-то мрачно пошутил о том, что также прахом пойдут и все его труды. И предсказание вскоре сбылось. Вожди хуннов, позабыв о единстве, потеряв весь разум, начали воевать между собой. И все завоеванные ими народы разом выступили против хуннов, желая отомстить им за свою попанную свободу...

Безусые юноши взяли в свои руки острые мечи, чтобы отомстить за своих погибших отцов, за своих поруганных матерей и невест...

Старики, отогнав свою одолевшую их немощь, поднялись, чтобы отомстить за своих детей и внуков...

Матери, отняв от своих грудей голодных младенцев, униженные и оскорбленные, встали, чтобы отомстить за своих убитых мужей и детей, за свою поруганную честь...

В своем горячем желании отомстить угнетаемые племена и народы были страшны и неудержимы. Где бы ни оказывался хунн, его убивали.

Жены, насильно взятые из чужих племен, без жалости убивали своих мужей, кололи прижитых от них, еще малых, детей. Объединенные силы многих народов гнались за хуннами и повсюду убивали их.

Спасаясь бегством, остатки великого народа спешно уходили назад, на далекую родину. Но их везде настигали, и пощады не было никому...

– Никто не уцелел? – вздох сожаления вырвался из груди княжича.

Его лицо источало разочарование. Стоило им столько плыть, чтобы узнать, что все их поиски снова ни к чему не привели.

– Выжил один десятилетний мальчик. Враги, издеваясь и глумясь над бедным ребенком, отрубили ему одну руку, другую, отсекли по одной и обе ноги, оттащили в болото возле высоких гор и бросили на растерзание диким зверям. Неудержимые в своей жестокой мести, они горячо желали продлить мучения и агонию последнего человека из ненавистного им народа хуннов...

...Тяжелые шаги торжествующих палачей удалились, затих хруст камней под их сапогами, и мальчик открыл глаза. Высоко в небе кружил коршун-стервятник, высматривал себе очередную добычу. Скоро хищник заметит его, неподвижно лежавшего на открытой площадке, опустится и первым делом выклюет глаза, потом сердце, не спеша, довершит подлое дело, начатое беспощадными преследователями...

Молодая волчица стояла неподалеку на высоком гребне. Она хорошо слышала удаляющиеся шаги. Ее поднятый вверх нос чутко ловил слабый ветерок, доносящий до нее дразнящий запах теплой крови.

Совсем рядом терпеливо ждала ее добыча. Хищно ощерившись, она побежала на запах, который с каждым шагом все усиливался. Нет, она не ошиблась и шла по верному пути...

Увидев направленные на него в упор зеленоватые глаза и уловив тяжелое учащенное дыхание зверя, мальчик приготовился к неминуемой смерти и закрыл глаза. Чего зверюга ждет и, урча, не рвет его на куски?

Вот и придет конец всем его мучениям. Наконец, придет избавление от невыносимой боли. Скорее, скорее...

Показав свои острые клыки, волчица облизнулась и подошла ближе. Жадно лизнула кровотокающую рану. Сладка и вкусна человеческая кровь.

Взгляд неожиданно упал на раскрытую грудь, на которой виднелось подвешенное на шелковом шнурке кольцо с таинственной надписью на нем. Это-то и остановило хищницу.

Нечто подобное однажды рассказывала ей мать-волчица. О том, что в давние-давние времена жил человек, который стал царем для людей, для зверей и птиц. Он понимал их язык, умел писать понятными им знаками. Молодая самка протянула мордочку и разобрала:

«Всяк проходящий мимо должен помочь тому, кто носит на себе это кольцо, чтобы благословенный род его никогда не пресекся...».

Торчком встали острые уши. Чуткий нос поднялся по ветру. Зоркие глаза устремились вдаль через огромное пространство и время. Помогая себе всеми органами зрения и обоняния, напряглась молодая самка, вспоминая все то, что слышала раньше о великом царе Соломоне...

Не доверяя своей памяти, почтеннейший дервиш положил перед собой древний свиток и время от времени пробегал по нему глазами:

«За то, что ты не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства и не просил себе душ врагов, но просил мудрости, то вот я делаю все по слову твоему. Вот я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что, тебе подобного не было прежде тебя, после тебя не восстанет подобный тебе».

Так сказал Соломону Бог, и по слову его познал царь составление мира и действие стихий, постиг начало, конец и середину времен, проник в тайну вечного волнообразного и кругового возвращения событий; у астрономов Библоса, Акры, Саргона, Борсиппы и Ниневии научился Соломон следить за изменением расположения звезд и за годовыми кругами. Знал он естество всех животных и угадывал чувства зверей. Понимал он происхождение и направление ветров, различные свойства растений и силу целебных трав.

Тайные помыслы в сердце человеческом – глубокая вода. Но и их умел вычерпывать мудрый царь. В словах и голосе, в глазах, в движениях рук также ясно читал он самые сокровенные тайны душ, как буквы в открытой книге. И потому со всех концов Палестины приходило к нему великое множество людей, прося суда, совета, помощи, разрешения спора и также за разгадкой непонятных предзнаменований и снов. И дивились люди глубине и тонкости ответов Соломоновых.

Три тысячи притчей сочинил Соломон и тысячу и пять песен.

Диктовал их двум искусным и быстрым писцам, Елихоферу и Ахии, сыновьям Сивы, и потом сам сличал написанное обоими. Всегда облакал он свои мысли изящными выражениями потому, что золотому яблоку в чаше из прозрачного сардоникса подобно слово, сказанное умело, и также потому, что слова мудрые остры, как иглы, крепки, как вбитые гвозди, и составители их все от единого пастыря.

«Слово – искра в движении сердца», – так говорил царь. И была эта мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян. Был он мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Хилколы, и Додры, сыновей Махола.

Но он уже начинал тяготиться красотой обыкновенной человеческой мудрости, и не имела она в глазах его прежней своей цены. Беспокойным и пытливым умом жаждал он высшей мудрости, которую Господь имел на своем пути прежде всех своих созданий искони, прежде бытия земли, той самой мудрости, которая была при нем великой художницей, когда он проводил круговую черту по лицу бездны. Искал упорно ее Соломон, но все не находил.

Изучил внимательно еврейский царь все учения магов халдейских и ниневийских, науку астрологов из Абидоса, Саиса и Мемфиса. Вник он в тайны волхвов, мистагогов и эпоптов ассирийских, и прорицателей из Бактры и Персеполя и вскоре с горечью и разочарованием убедился, что облеченные таинственностью знания их были обыкновенными знаниями человеческими. Ничего сверхъестественного в них он не нашел.

Также искал он мудрости в тайнодействиях всех древних языческих верований, потому посещал капища и приносил жертвы: Ваалу-Либанону могущественному и тому, кого чтили многие под именем Мелькарта, Бога созидания и разрушения, покровителя мореплавания, в Сидоне...

Его называли Аммоном в оазисе Сивах, где идол его кивал головой, указывая пути праздничным шествиям, Болом у халдеев, Молохом у хананеев. Царь поклонялся грозной и сладострастной Астарте, имевшей в других храмах имени Иштар, Исаар, Ваальтис, Ашера и Атаргатис...

Изливал он елей и возжигал курение Изиде и Озирису египетским, брату и сестре, соединившимся браком еще в чреве матери своей и там зачавшим бога Гора. А также Деркету, рыбообразной богине тирской, и Анубису с собачьей головой, богу бальзамирования, и вавилонскому Оанну, и филистимскому Дагону... и мрачной Киббеле, и халдейскому Ору – богу

вечного огня, и таинственной Омороге – праматери богов, которую Бэл рассек на две части, создав из них небо и землю, а из головы – людей. Поклонялся царь еще богине Атанаис, в честь которой девушки Финикии, Лидии, Армении и Персии отдавали прохожим свое тело, как священную жертву, на пороге храмов...

Заметив наполовину раскрывшийся от изумления мальчишеский рот, изловчившись, Айша слегка пристукнула малая ладошкой по затылку.

Часто-часто заморгали обиженные реснички, но и они моментально пришли в совершенное спокойствие, как и все остальные, зачарованные рассказом о человеке, о чьем могуществе все слышали, но, кроме сказок, больше ничего не ведали...

Приближающийся вечер быстро опускающимися серыми сумерками возвестил о скором наступлении ночи, и Суюм взмахом руки отпустила всех из гостиной, попросив почтенного дервиша задержаться всего-то на пару-другую слов.

– Я слушаю тебя, ханум. Вижу, что-то вельми важное давно имеешь желание спросить у меня, но никак не решаешься.

– Поведай мне про то, кем был Соломон... – пожелала Суюм.

Много раз слышала она это имя из уст русского княжича Олега, сына рязанского князя Игоря Ингваревича. Столько лет минуло с той поры, а до сих пор еще бросает ее в жар, когда в ушах всплывает шепот ласковых и нежных его губ:

Округление бедер твоих, как ожерелье,
Дело рук искусного художника;
Живот твой – круглая чаша,
В которой не истощается ароматное вино;
Чрево твое – ворох пшеницы, обставленный лилиями;
Два сосца твоих – как два козленка, двойни серны...
Как ты прекрасна, как привлекательна,
Возлюбленная, твоей миловидностью!
Этот стан твой похож на пальму,
И груди твои на виноградные кисти...
Уста твои – как отличное вино.
Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных...

Выгибаясь в спине, она замирала, а русич продолжал шептать:

Положи меня, как печать на сердце твое, как перстень, на руку твою:

Ибо крепка, как смерть, любовь;
Люта, как преисподняя, ревность;
Стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.
Большие воды не могут потушить любви,
И реки не зальют ее.
Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь,
То был бы отвергнут с презреньем...

Не отыскав в своей памяти ничего схожего, спросила она у своего возлюбленного про то, откуда эти чудные строчки, и тогда впервые она услышала имя библейского царя Соломона.

Не сразу женщина связала это имя с Сулейманом, чьи таинственные заклинания были вырезаны на кольце, хранящемся у нее. Догадка вдруг пришла, как озарение...

Едва заметная усмешка тронула потрескавшиеся губы странника, и он после недолгого молчания, собрав в памяти то, что было ему ведомо, негромко заговорил:

– Царь иудеев Соломон был сыном Давида от Бат-Шевы, третьим по счету еврейским царем. Не достиг он еще самого расцвета человеческого века – ему не было и сорока пяти лет – а слава о его мудрости и о его красоте, о великолепии его жизни и пышности его двора разлетелись далеко-далеко за пределами Палестины...

В Ассирии и Финикии, в Верхнем и Нижнем Египте, от древнейшей Тавриды и до Йемена, на побережье Черного моря и на всех островах Средиземного моря – повсюду люди с удивлением произносили его имя, потому что подобного ему между царями во все дни его не было...

В лето 480 по нисшествию Израиля, в четвертый год царствования своего, предпринял царь евреев сооружение храма господня на горе Мориа и постройку великолепного дворца в Иерусалиме.

Восемьдесят тысяч самых искусных камнетесов и семьдесят тысяч носильщиков беспрерывно работали в горах и предместьях города.

Десять тысяч дровосеков посменно отправлялись в Ливан и валили там кедр. Тысячи людей вязали плоты, и сотни моряков сплавляли их морем в Иаффу, где их обделывали тиряне, искусные столяры...

«Нет-нет, не то, все это не то!» – говорили, кричали женские глаза, и проницательный дервиш остро прочувствовал, понял ее самые затаенные желания. Он незаметно опустил многие страницы из жизни царя иудеев, пролистав разом немало страниц из его жизни. Сгладив все временные разрывы, Хаджи Хасан поведал:

– Настало время, и царь Соломон достиг могущества, которого не знал еще до него ни один правитель в мире. Чего бы пронзительные и проницательные глаза царя ни пожелали бы, он ни в чем и никогда не отказывал им и не возбранял сердцу своему никакого веселья...

Затаившая дыхание, женщина интуитивно почувствовала, что они подходят к самому интересующему ее моменту.

– Было у царя семьсот жен и триста наложниц...

– Ах! – невольный вздох изумления вырвался из женской груди.

О, Аллах! Разве может она себе представить оное? О чем, о каком же благочестии можно еще говорить? Блуд и беспробудное распутство. Сие есть грех, тяжкий грех – слушать подобные развратные речи. Ей следует прервать слова почтенного странника. Но она не в силах...

– Да-да, ханум, именно столько, говорят, было у него жен, не считая рабынь и наложниц. И всех их очаровывал своей любовью Соломон, а потому как дал ему Господь такую неиссякаемую силу страсти, какой не имелось у людей обыкновенных...

Бесстрастным голосом дервиш рассказывал о том, что любил царь евреек белолицых, черноглазых, краснотубых хеттеянок за их яркую, но мгновенную красоту, что столь рано и прелестно расцветает, а потом стремительно вянет, как цветок нарцисса.

Любил он смуглых, высоких, пламенных филистимлянок с жесткими и курчавыми волосами. Они носили на кистях рук звенящие из золота запястья, золотые обручи на плечах, а на обеих щиколотках широкие браслеты, соединенные друг с другом тонкой цепочкой...

Любил он нежных, маленьких, гибких аммореянок, сложенных без упрека. Верность и покорность их в любви вошли в пословицу. Женщин любил из Ассирии, искусно удлинявших красками свои дивные глаза.

Любил царь желтокожих египтянок, неутомимых в любви и столь же безумных в ревности, сладострастных вавилонянок, у которых все тело под одеждой гладко, как мрамор, ибо они особой пастой истребляли на нем все волосы...

Обожал царь дев из Бактрии, красивших волосы и ногти в огненно-красный цвет и носивших на себе тонкие шальвары, хрупких женщин с голубыми глазами, с льняными волосами и нежным запахом кожи, коих ему привозили с полуночных стран, и язык коих был никому непонятен. Кроме того, царь любил многих дочерей Иудеи и Израиля...

– О, Аллах! – прошептали женские уста, не в силах осознать все это, услышанное собственными ушами.

– А также разделял царь ложе с Балкис-Македа, царицей Савской, что превзошла всех женщин мира своей красотой, мудростью, богатством и разнообразием искусства в страсти. Иудей совершенно покорила ее своим умом и находчивостью, заставив пройти по зеркалам, уложенным на землю, и приподнять свои нижние юбки...

Чуть прищурились женские глаза, усмешка тронула ее уста. Слышала она о том, будто бы у той царицы на ногах росли козлиные копытца...

И княжич Олег баял, что Соломон хитростью заставил пройти ее через зеркала, а та, подумав, что ступает в воду, приподняла подол.

Нет, козлиных копытцев не оказалось, но женские ножки на поверку вышли кривоваты да шерстью знамо покрыты...

– Не оставил царь Соломон без внимания и сунамитянку Ависагу, согревавшую старость царя Давида, ласковую и послушную красавицу, из-за которой он предал своего старшего брата Адонию смерти от руки Ванея, сына Иодаева...

И бедную девушку из виноградника, по имени Суламифь, одну из всех земных женщин любил царь всем своим сердцем...

Почувствовав, как жаркая краска густо разливается по всему лицу, Суюм встала и отошла к окну. Да, правду ей тогда баял княжич Олег, выходит, так все и было...

Выйдя из гостиной, Насима остановилась в раздумье. Несмотря на желание отыскать своего мужа и допытаться у него о причине их столь поспешного вызова в столицу, она чувствовала, что все ее нутро нещадно раздирается на части от нестерпимого любопытства. Охота дознаться до всего все ширилась и поднималась, росла вместе с уже укрепившейся в ее сердце тревогой за своего старшего брата Глеба.

– А что я теряю? – она остановилась на полушаге.

Разумно решив, что муж от нее, по крайней мере, за час-два никуда не денется, женщина круто повернулась и направилась к покоям дочери своей названной сестры Суюм. Надеюсь она разузнать у девушки все то, что той могло быть известно.

– Улым? – ее брови удивленно приподнялись, когда Насима в дверях наткнулась на Улугбека. – Сынок, что ты забыл среди девчонок?

Сама она, в общем-то, ничего странного в том не видела, в том, что ее сын и дочь госпожи Суюм очень подружились.

Всего несколько человек в мире и она, в том числе, ведала про то, что Улугбек появился на свет в результате нежной любви сестры болгарского эмира и русского княжича. И случилось это в те самые времена, когда они вместе ездили на Русь с посольством.

– Мама, мне подарила Айша! – счастливый мальчуган держал в руке две обожженные на огне и красиво расписанные игрушки.

Позади малая стояла и тепло улыбалась довольная девушка. Это она на днях распорядилась, чтоб ее служанка Гуль, которая сдружилась с Заки, сыном кузнеца Гали, велела парню сходить к своей старшей сестре. Женщина была замужем за гончаром Нури, а их сынок научился ловко лепить из податливой глины всякие причудливые фигурки. И в этот вечер ей принесли первую пробную партию.

– Какая прелесть! – Насима с восхищением качнула головой.

Вооруженный с ног до головы болгарский всадник сидел на могучем коне. Он прикрывался круглым щитом с хорошо заметным шишаком в центре, держал в правой руке копье, выкованное из тонкой проволоки. А второй воин стоял пеший. За его спиной легко угадывался мощный лук.

– Айша, ты сильно балуешь этого малая.

– Ничего, апа, – от полученной из уст женщины похвалы девичий носик забавно сморщился от удовольствия. – Малай наш скоро вырастет и станет настоящим батыром.

– О-го-го! – вскрикнул, потрясая рукой, Улугбек. – Я вырасту и женюсь на Айше. Вот, мама, она и задабривает всячески будущего мужа.

– И не подумаю, и не мечтай! – девушка состроила уморительную рожицу и показала кончик своего язычка. – Малай! Не дорос еще...

От неожиданности Насима моргнула, потеряв на мгновение дар речи. Немыслимое дело и невозможное. Не столько от того, что эмир никогда не даст согласия на их брак, а потому что они же брат и сестра.

Не будь этого препятствия, она в том уверена, правитель мог бы пойти на такой шаг. Но эмир и сам не в курсе, что Улугбек приходится ему родным племянником. Господи, как все запуталось!

Ей следует немедленно переговорить по этому вопросу со своей названной сестрой, посоветоваться с нею. Но чуть позже. Часок-другой проблема потерпит. Насима решила узнать то, ради чего пришла:

– Скажи-ка, Айша, откуда во дворце появился этот странный путник?

Девушка с улыбкой ответила:

– Мы встретили его, апа, в городе, когда ходили в ремесленные ряды, чтоб заказать надпись на кинжале. Как ту, что начертана на кольце...

– Мама-мама, Айша мне подарила кинжал! – не преминул хвастануть мальчишка, пригревшийся возле теплого материнского бедра.

– Помолчи! Отправлю к отцу, он живо научит тебя почтительности!

Пригнувшись и спрятавшись за женской спиной, Улугбек тяжело засопел, поглядывал из-под низко опущенных бровей. Перспектива не услышать продолжения рассказа Хаджи Хасана явно его не обрадовала.

– Этот странник, апа, дервиш. Он пришел к нам из дальних стран. Он столько всего повидал, а еще более того ведает...

Сполна удовлетворив жгучее любопытство, Насима, так и не найдя мужа в отведенных им покоях, отправилась напрямик к своей названной сестре, тихо и почтительно постучалась, вошла.

– Апа, я не помешаю? – скромно опустив реснички, спросила она у хозяйки просторной комнаты, обставленной в светло-голубых тонах.

По всему было заметно, что интерьер и обстановку поменяли совсем недавно. Легкие и прозрачные шелка еще не успели выцвести, на мягком ковре красиво выделялись огромные васильки.

– Ты... мне? – Суюм тепло улыбнулась. – Ты же в курсе, что дороже сестры, чем ты, у меня нет.

– Ты знаешь, апа, похоже, наш Улугбек всерьез тешит себя надеждой жениться на Айше. Не пора ли ему открыть глаза?

Казалось бы, совсем простой вопрос застал гостеприимную хозяйку врасплох. На ее открытом лице отобразилась полная растерянность со следами смутения. По нему медленно поползли яркие пятна.

– Нет, еще не время. Ты должна меня понять...

Через бритоголового евнуха Ахмед-бий известил жену о том, что он надолго задержится у эмира, и женщина позволила легко себя уговорить и осталась ночевать у госпожи Суюм. Они обе знали, что важные советы у повелителя державы могли затягиваться до самого утра...

Нечто похожее на военный совет происходило в доме кузнеца Гали. Хотя и решали они вопросы не столь значимые в масштабах всей страны, но в рамках их большой и дружной семьи весьма существенные.

Во главе стола восседал хозяин. По правую руку от него сидел шури́н Булат, брат жены, искусный мастер по бронзе и всякого другого рода богатым безделушкам. По левую его руку устроился зять, гончар Нури, сынишка которого, еще подросток, неожиданно получил заказ от самой Принцессы Айши на изготовление фигурок воинов.

– Я думаю, – Булат хитровато прищурился, – мы должны объединить все наши усилия и умения.

– Как и в чем? – Гали непонимающе глянул на шурина.

Держа в своей руке чашку, Булат многозначительно постучал по ней.

– Глина – материал хрупкий. Игрушки из глины быстро разобьются.

– И что ты предлагаешь? Ковать их из железа? Ха-ха! – скептически хмыкнул кузнец. – Ребенок их не поднимет. И знаешь, сколько времени займет изготовление каждого такого воя?

Но и это не остудило бронзовых дел мастера, и он улыбнулся:

– Будем отливать их в заранее заготовленную форму.

– И где я найду тебе такую посуду, в которой смогу расплавить руду? И сколько придется спалить жарких углей?

В ответ Булат многозначительно прищурился:

– Необязательно, друг Гали, плавить железную руду. Можно плавить олово. Оно легко плавится и быстро застывает. Добавить чего в него для прочности. Нури, твой пострел вылепит из воска самые разные фигурки. Заки ему подсобит. Мы изготовим формы и приступим к заливке...

– А ты неплохо придумал...

Уставшие за долгий световой день женщины не слышали, как за их небольшим столом велось живое обсуждение, что, как и с чего начать.

После совершения утреннего намаза, легко позавтракав, почтенный путник продолжил свое повествование про мальчика и волчицу:

– Долго стояла хищная самка, вытянув нос по ветру...

Ослушаться приказа того, кто был царем живой природы и неживой, молодая волчица никак не могла, и она, подхватив тело за края одежды, потащила мальчика в пещеру, в укромное место, подальше от чужих глаз.

Долго-долго вылизывала волчица раны, пока не перестала течь кровь. Сутками охраняла самка покой мальчика. Снова и снова лизала, пока не стали появляться розовые рубцы...

Не найдя на следующее утро хуннского мальчика, люди подумали, что его растерзали хищные звери, скоро забыли о нем...

Терпеливо и долго учила молодая волчица непонятливого человечка их звериному языку. Прошло два года, шел к своему завершению третий.

Мальчик сильно подрос, на глазах превращался в красивого юношу. Волчица хорошо понимала, что пока она выполнила только первую часть заклинания великого царя Соломона.

С ее помощью должен продлиться род того, кто носит это кольцо. Из одного поколения в следующее передавалось у них предание о том, что некоторые люди произошли от них, от волков...

...Знание всех своих родословных и их специальное изучение издавна характерно для народов из Центральной Азии.

При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя.

Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракиаса (лесного духа), монголы – серого волка и лань, племена тэлэ – волка и хуннского шаньюя, а тюрки – хуннского царевича и волчицу...

Выполняя волю царя зверей, серая волчица соединилась с юношей...

С трудом таскала серая самка раздувшееся брюхо, когда охотники выследили пещеру, пришли в то время, когда она охотилась. Волчица вернулась и не нашла юноши. Пугающий, леденящий душу вой вырвался из ее пасти. Она заметалась в поисках, но никого не нашла.

Только кольцо, кинутое, видно, в самый последний момент, лежало под камнем. А самого юношу охотники утащили в свое селение. Люди опознали исчезнувшего мальчика и убили его...

Уйдя высоко в горы, волчица нашла для себя новое логово. Там она вскоре и родила десятерых мальчиков, выкормила, выходила, поставила их на ноги, отвела в глухое селение за много-много дневных переходов, туда, где никто и ничего не ведал про трагедию великого народа...

Проснулся рано утром старый чабан, вышел он за околицу, протянул руку свою к свету и заморгал, изумленный увиденным.

В траве копошились маленькие детки, все мужского рода, крепкие, красивые. Ни слова не говорят, рычат и по-волчьи вытягивают они шеи.

– Диво дивное! – молвил чабан. – Чудо невиданное...

Позвал старик соседа, вместе стали решать, что им делать с этакой свалившейся с неба оравой ребятишек. Позвали соседку-другую.

– Раздадим детишек по дворам, кому и сколько достанется. Вот и вся проблема... – вместе придумали и порешили люди.

Прошли годы. Выросли дети волчицы. Один брат другого краше. Высокие, стройные. На груди у одного поблескивало золотое колечко на шелковом шнурке. За ним и признавали все братья старшинство.

Знали ли дети, догадывались ли о том, что все они по кругу родные братья? Может быть, и догадывались, может, просто не думали об этом.

Зато все остальные жители звали их волчатами, припоминая, должно быть, что в первое время они вели себя, как настоящие зверята.

Пришло время, и юноши переженились. Девушки за ними стайками бегали. Приходили посмотреть на них и молодки из соседних аулов.

Выбрали они самых красивых и умных дев. Пошли у них дети. А от этих детей пошли другие дети. Много их стало. Жили они все дружно. Один из внуков волчицы по имени Ашин стал во главе их нового рода...

– Тот самый, о котором ты говорил? – встрепенулся княжич Глеб, встряхивая с себя опустившееся на него очарование красивой легенды.

...Неумолимая и неподкупная история свидетельствовала, что среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими северного Китая, находились «пятьсот семейств Ашина».

Нет никаких сомнений в том, что «пятьсот семейств» возникли в результате смешения самых разных родов, обитавших в западной части Шэньси, отвоеванной в IV веке у китайцев хуннами и сяньбинцами.

Когда в 439 году тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, Ашина с этими пятьюстами семействами бежал к жуэжаням и, поселившись по южной стороне Алтайских гор, добывал железо для злобных жуэжаней...

– Он самый, путник. С него и пошла наша тюркская династия и весь наш великий род! – подняв указательный палец вверх, закончил старик.

И во всем его облике сквозила гордость за своих великих предков, за их происхождение чуть ли не от самих Богов...

Предвосхищая могущие последовать вопросы, дервиш добавил:

– Дошедшие до наших времен исторические документы повествуют о происхождении не всего народа древних тюрков, а только их правящего клана. Ничего достоверного в данной

версии происхождения древних тюрков нет. Видать, тот Ашина был вождем небольшой дружины-орды, состоявшей из отчаянных удалыцов, по какой-то причине не ужившихся в многочисленных княжествах хуннов и сяньби...

...Само слово «тюрк» означало «сильный, крепкий».

Вполне возможно, что это было собирательное имя, как, к примеру «казак», что впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Трудно сказать, каким был первоначальный язык этого объединения, но к V веку, когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен один межплеменной язык того времени – язык племен сяньби, древнемонгольский.

Это был довольно скудный и однообразный язык жесткой команды, шумного и крикливого базара и нехитрой дипломатии. Именно с этим языком семейства Ашина перешли на северную окраину Гоби.

Само же слово «Ашина» значило «волк».

Но по-тюркски волк – буре или каскыр, а по-монгольски шоночино. Добавив префикс уважения в китайском языке «А», легко получить «Ашина», что будет означать «благородный волк»...

Поднявшись со своего места, Насима в задумчивости прошлась по всей комнате. День медленно катился к закату.

Небольшие, легкие перистые облачка окрасились в багрово-красный цвет, что обещало на следующий день хорошую погоду.

– Да, – произнесла она, оборачиваясь и нарушая повисшую в воздухе тишину, – немного же удалось узнать моему брату. Сколько же сил и времени впустую потрачено на то, чтобы услышать очередную сказку, больше похожую на вымысел, чем на имевшую быть место быть...

– Что ж, ханум, – поднял голову Хаджи Хасан, – чтобы отыскать крупицу правды, нам, потомкам, порой приходится перекидать груды бесполезной породы слухов и преданий.

– Хоть толика правды в этом есть? – спросила Суюм.

Выходило, что эти самые тюрки имели общих предков с ними, с булгарами? Если все они говорили на каком-либо одном из тюркских языков. О, Аллах, дай ей силы во всем этом разобраться...

– Золотые волчьи головы красовались на тюркских знаменах. Тюрки, ханум, считали себя прямыми наследниками хуннов. Как они считают, гнилое болото, куда кинули мальчика, находилось возле озера Балатон в Венгрии, а мифическая волчица перенесла его в предгорья Алтая. Если вслушаться, ханум, то название «Hungary» звучит, как «страна гуннов». Венгерская пушта притягивала к себе хуннов, выталкиваемых с Итиля под напором наступающей природы, напоминая им забайкальские степи.

Пришедшая же на Алтай с Ашином орда, придумала себе красивую историю, чтобы подтвердить свою исключительность и непререкаемое право на главенствующую роль среди других, окружавших их, народов.

Эти тюрки проводили про магическое кольцо великого Сулеймана, хотя, насколько мне известно, ни один из их правителей на своей руке такового перстня не носил. Слышал я, что один мастер изготовил копию. Но точно воспроизвести надпись на нем их умельцы не смогли.

– Выходит, что оный народ существовал? – с некоторым облегчением вздохнула Суюм, не в силах больше выдерживать направленный на нее укоряющий взгляд вконец расстроенной Насимы.

– Поначалу, ханум, их трудно было назвать народом. В V веке так китайцы называли орду, что сплотилась вокруг князя Ашина и общалась она на древнемонгольском языке. Прошло лет сто, и появился небольшой народ, говоривший совершенно на другом наречии, как его

впоследствии назовут, по-тюркски. Однако все соседние народы, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не назывались...

...Арабские историки и путешественники называли тюрками всех поголовно кочевников Средней и Центральной Азии без учета языка.

Рашид-ад-Дин одним из первых начал различать тюрок и монгол по языковому признаку, а в настоящее время «тюрк» – это лингвистическое понятие, без учета этнографии и даже происхождения, так как многие тюркоязычные народы усвоили так называемый тюркский язык лишь при непосредственном общении с соседями.

Многие языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности, а народ «тюрок» возник лишь в конце V века вследствие этнического смешения говорящих на древне-монгольском языке «пятисот семейств Ашина» с местным населением в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий.

Слияние оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 году, они представляли одну целостность, которую уже и принято называть древнетюркской народностью или тюрками...

– И жили тюрки на равнине и в предгорьях Алтая...

– Откуда когда-то в дальний поход отправились народы хуннов? – заинтересованно переспросил мальчик, успевший перечитать все листки с написанным, особо те самые места, которые он пропустил в то время, когда рассказчик вел свое повествование в его отсутствие.

– Да, сынок, – ласковая улыбка появилась на лице дервиша. – Очень, очень многие народы, со временем разбредшиеся по всему свету, вышли именно из тех самых мест...

Но в отличие от многих других народов племена тюрок вели уже не кочевой, а оседлый образ жизни. Большинство занималось добычей и плавкой железа, изготовлением оружия и доспехов, металлической и бронзовой посуды, различных украшений...

Глава III. Тюрки

Седой старик по прозвищу Кумеш толкнул покосившуюся деревянную дверь и, сухо покашливая, вышел на улицу.

– Вот и дожид до рассвета... – прокряхтел он.

Последние два десятка лет звали его Кумешем за длинные, сплошь покрытые серебром безжалостного времени, а когда-то иссиня-черные волосы. Время неумолимо шло, и с годами он стал забывать, на какое имя отзывался прежде. Те, кто не знал его с самого рождения, давали ему за шестьдесят лет, а то и за все семьдесят. Хотя, на самом деле, он только-только разменял шестой десяток...

– Дождался солнца... – вздохнул старик.

Его сумрачный взгляд вскользь прошелся по двору, по небольшой лачуге, как ласточкино гнездо, отчаянно прилепившейся к отвесной скале и выстроенной из небольших плоских камней, повсюду разбросанных у плоского подножия горы. Низкие темно-серые облака цеплялись за ее вершину, собирались у самого острия в кучу, набирались сил, на глазах превращались в черную грозовую тучу...

– Ничто не радует, все опостытело... – Кумеш загрустил.

Под стать нахмурившейся погоде было и само настроение у аксакала. Горечь и обида теснились в душе сгорбившегося от времени старика. Больно было за свою долгую жизнь, проведенную в тяжких трудах.

Всю свою жизнь Кумеш гнул спину, а к старости себе так ничего толком и не нажил. От зари до зари стучал он кузнечным молотом...

Словно услышав его мысли, сбоку донесся перестук молотка. Сосед его приступал к работе. В их небольшом ауле жили семьи рудокопов, которые добывали в горах железную руду, плавильщиков и кузнецов. Некоторые умельцы совмещали все эти три занятия...

– Пусть Боги помогут тебе! – крикнул аксакал своему соседу.

Чутьочку ниже, у плоского подножия горы, прилепилось поселение землепашцев. Чернели клочки старательно обработанной земли.

Сеяли просо и пшеницу. По зеленеющим склонам бродили отары овец. Все без исключения занимались делом. Никто без работы не сидел. Но жили все, хотя и много работали, впроголодь...

А все потому, что когда-то до них добрались дикие племена злых и свирепых кочевников на низкорослых лошадаках, покрытых длинной шерстью. Говорили они на непонятном монгольском наречии.

Жужани – так называли они себя – налетели, как ураган, перебили всех, кто только поднял на них оружие, пограбили все, угнали самых красивых женщин и подростков. Через год они вернулись. Но на этот раз никого убивать не стали, а лишь обложили всех непомерной данью.

Злобный и жестокий хан жужаней Тохта, умело подталкиваемый к этому решению своими ленивыми сородичами, сообразил, что намного полезнее и выгоднее будет, если они заставят эти трудолюбивые племена тюрков работать на себя под неусыпным контролем жужаней.

Шли годы, а с ними аппетиты не привыкших трудиться кочевников все росли и росли. Размер налагаемой дани то и дело увеличивался.

Правители жужаней нуждались в больших деньгах. На продукции, произведенной рудокопами, плавильщиками и мастерами-кузнецами из тюрков, построилась вся экономика государства жужаней.

Как насланное Богами с небес страшное проклятие, жужани внезапно налетали и забирали себе все, что им только понравится, что плохо лежит и путается под ногами, сильно блестит и бросается в глаза, сверкает своей молодостью и красотой.

Никто из жителей их небольших поселений, облепивших окрестные горы, не мог понять, откуда взялся народ грабителей и разбойников...

Не ведал того и Кумеш. Откуда мог знать старик, никогда и никуда дальше подножий своих гор не спускавшийся, не ведали и его собратья по несчастью, что происхождение народа жужаней было, мягко сказать, запутанно своеобразно.

Речь могла идти не о происхождении, а о сложении некоего народа. У жужаней, как у народа, не имелось единого корня, единого этноса.

В тяжелые и смутные времена всегда находится много людей, по той или иной причине выбитых из седла и чем-то скомпрометированных. Немало таковых оказалось и в середине IV века.

Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армии – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне.

Общим у них оказалось не происхождение, а сама судьба, обрекшая их на нищенское существование...

Она-то, общая судьба, и властно принуждала их организовываться.

В 50-х годах IV века бывший раб по имени Югюлюй, служивший в коннице сяньби, за совершенный им тяжкий проступок был осужден на смерть. Ему удалось бежать в горы и укрыться там.

Постепенно около него собрались около сотни подобных беглецов, для которых пути возвращения в родные кочевья навечно были отрезаны. Как-то они нашли возможность и договорились с соседними кочевниками и жили, сосуществовали совместно с ними.

Преемник Югюлюя, Гюйлюхой, установил отношения с тобасскими ханами и выплачивал им дань лошадьми, соболями и куницами.

Орды жужаней кочевали по всей Халке до Хингана, а ханская ставка обычно располагалась у Хангая. Быт и организация жизни жужаней были одновременно весьма примитивны и далеки от родового строя.

Письменность отсутствовала. В качестве орудия счета применялся высохший овечий помет или деревянные бирки с засечками.

Все их законы соответствовали нуждам войны и грабежа: храбрецов награждали большей долей добычи, а трусов побивали палками. За все двести лет существования орды жужаней в ней не выявилось никакого прогресса – все силы и способности уходили на грабеж соседей...

Окинув родные горы сумрачным взглядом, Кумеш тяжело вздохнул, плечи его еще больше сторбились, руки понуро повисли.

– Стоит от зари до зари горбатиться, чтоб тати снова пограбили все! – со злостью выдохнул он.

Два дня назад налетели жужани, принялись грабить беззащитных поселян. Из его лачуги вытянули, связали руки волосяным арканом, перекинули через седло и увезли с собой его правнучку, последнего человека, кто еще оставался из его когда-то многочисленной семьи.

– Кто скрасит своим живым теплом мои последние дни? – с горечью вопрошал он у хмурившейся природы. – Некому... – вздыхал старик.

Вот и придется ему дожидаться неминуемой смерти одному. Никто не подаст ему чашку с водой, никто не протянет кусок лепешки, когда не останется у него сил встать со своего смертного одра...

Но, кроме этой горькой мысли, было еще что-то, что тревожило его и не давало ему покоя. Если к нему внезапно подступит смерть, то никто не узнает про тайну, которую он навсегда унесет с собой в могилу.

И пропадет бесследно самое дорогое, что было у него, что согревало ему душу в самые тяжелые минуты. Нет, он не должен допустить этого...

– Сгину я, а память останется! – горячо выдохнул Кумеш.

Вернувшись в свою жалкую лачугу, старик откинул грубую циновку, обнажил каменистый пол. Острым ножом Кумеш поддел один камень, приподнял, отложил в сторону. Скоро сбоку высилась груда валунов.

Наконец, нож его наткнулся на нечто твердое и плоское. Осторожно, чтобы не повредить, он руками расчистил это место, потянул на себя.

Развернул старик тряпку, и в его руках оказался меч с диковинной рукояткой и посеребренными ножами.

– Дождался своего часа! – Кумеш с любовью смотрел на меч.

Давно, очень давно старый кузнец выковал его сам вместе со своим старшим сыном. Сами – тогда еще у них водилось серебро – изготовили ножны. Хотели выгодно продать его вождю одного из племен тюрков и на вырученные деньги выстроить просторный дом, поставить кузню.

Но, как саранча, в тот год налетели жужани. Старшего сына и двух его младших братьев убили, трех сестренек забрали с собой.

Старуха, мать его детей, не выдержала горя, помешалась разумом, прожила недолго. Все вынесли из лачуги подлые грабители. К счастью, меч они хорошо припрятали...

– Видишь, как все обернулось... – скупая слеза скатилась по щеке.

Скинув с себя старые и рваные лохмотья, Кумеш натянул на прежде гордо выпрямленные, а теперь ссутулившиеся со временем плечи почти новый чапан, приберегаемый для торжественных случаев.

Замотал старик в тряпицу кусок овечьего сыра и пресную лепешку, оглянулся, прихватил меч, вышел на улицу и прикрыл за собой дверь. Путь ему предстоял долгий и нелегкий. Задумал он добраться до Бумына, внука предводителя одного из самых больших родов тюрков Ашина.

– Дорогу осилит идущий... – кузнец в задумчивости потер щеку.

Слышал старик, что собираются вокруг вождя Бумына недовольные, все те, кому надоело быть бесправными рабами жужаней...

Узкая тропка, пробитая горными козлами, причудливо вилась. Она взбиралась все выше и выше, бездумно повторяя все скалистые изгибы.

– Староват я стал! – путник остановился, вытер крупные капли пота.

Давно уже Кумеш не заглядывал в эти места, но помнил хорошо, что тут проходил самый короткий, хотя и не из самых легких, путь к долине, где располагалось становище предводителя тюрков.

В гордом одиночестве высоко-высоко кружил в небе серый орел. С немым удивлением наблюдал он за упорно карабкавшимся по отвесным скалам неутомимым человечком...

Неосторожная нога, не находя себе опоры, скользнула вниз, уперлась во что-то твердое и дала старику необходимую передышку, позволила ему перенести центр тяжести на другую ногу, вцепиться в выступающие камни руками, прижаться к скале всем телом и удержаться.

– Спасибо, Небо! – Кумеш воздел благодарные руки.

Гулкий камнепад, вызванный вывороченным валуном, еще долго перекликался с участвовавшими ударами всколыхнувшегося сердца...

Сведя нахмуренные густые черные брови к переносице, правитель Бумын исподлобья смотрел на приведенного к нему старика, долго не мог понять, о чем толкует ему, видно, с помутившимся с годами рассудком почтенного вида аксакал. Его мысли гуляли совсем далеко...

Два года пролетело, как Бумын отправил своих послов к китайскому императору Западной Вэй, Вэнь-ди, которому предлагал свою помощь в защите от дерзких набегов свирепых жужаней, то и дело тревожащих северо-восточные пределы империи, прорываясь через Великую стену.

Время шло, а ответ не приходил. Может, Повелитель Поднебесной чего-то выжидал. Возможно, его послов давно уже нет и в живых. Может, их приказали удавить за то, что они посмели привезти дерзкое послание своего повелителя. Может быть, их по дороге перехватили жужани...

Наконец, глаза Бумына остановились на старике, он сосредоточился и уловил смысл повторяемого в третий раз. Старик желает преподнести ему подарок? И что он может предложить? Оружие, которое подходит простому воину, командиру небольшого отряда?

– Пусть принесут подарок, – небрежным движением суховатой кисти, высунувшейся из-за широкого рукава дорогого шелкового халата, отдал Бумын приказ одному из двух безмолвных нукеров, охранявших вход в шатер. – Посмотрим на него...

Правитель понимал, что из одного уважения к почтенной старости подношение следовало ему принять и отблагодарить простого человека.

Пусть награда окажется намного дороже самого дара. Зато о нем сразу пойдет гулять хорошая молва.

Степные люди скажут, что предводитель Бумын прост, что он всегда готов выслушать любого из них. А ему позарез необходима поддержка каждого простого тюрка.

Порознь они все – мелкие песчинки. Собранные вместе – песчаная буря, сметающая всех со своего пути. Надо только собраться им вместе и объединить все свои усилия, сжать разжатые пальцы в кулак...

– Взгляни, повелитель! – в шатер внесли завернутый в кусок материи подарок и на глазах у Бумына развернули.

Не смог он удержать своего восхищения, привстал, потянулся рукой к оружию, вынул меч из ножен. Ярко сверкнула остро отточенная сталь.

– Посмотрим на него в деле! – загорелся владыка тюрков.

Нетерпеливый взмах повелителя, и слуга подкинул в воздух платок из тончайшей шелковой ткани.

Бесшумно упав, воздушный плат легко распался на две равные части, исторгнув из груди присутствующих восторженные вздохи.

– Это подарок, достойный повелителя! – глаза предводителя тюрков благосклонно сверкнули. – Что ты хочешь за него? Проси все, что твоей душе угодно!

– Мне ничего не надо, повелитель! – Кумеш воздел свои руки кверху. – Прошу тебя лишь об одном! Спаси наш гибнущий народ! Жизни нет от жужаней! Пусть этот меч в твоих руках поразит всех наших врагов!

Торжествуя, Бумын улыбнулся. Обвел он своим взглядом весь шатер. Пусть они, пусть они услышат, все сомневающиеся и колеблющиеся, что простые люди поддерживают его. Они все пойдут за ним, когда придет время. Он поднимет знамя борьбы против ненавистных поработителей.

– Ты хорошо сказал. Если твоими устами говорит весь наш народ...

Умудренный жизненным опытом кузнец мгновенно сообразил, каких именно слов ждет от него предводитель Бумын, и степенно ответил:

– Наш народ устал от беспросветной жизни. Он видит в тебе своего защитника. Стань нашей твердой опорой и надежной защитой.

По просторному шатру повелителя пробежался одобрительный гул, и вождь тюрков благосклонно спросил:

– Ты сам ковал этот меч?

– Я и мой сын. Но его убили клятые жужани...

По губам вождя проскользнула улыбка. И этот ответ пришелся как нельзя кстати. Пусть принесенный стариком меч станет символом борьбы всех униженных и угнетенных тюрков, которые скоро соберутся под его знаменами. А людская молва, их степное «узун колак» – «длинное ухо», моментально разнесет весть об этом во все края...

Чуть прищулив один глаз, Бумын кивнул головой, и Кумеш понял, что пора уходить. Низко-низко поклонившись, старик попятился назад, оказался за пологом шатра.

– Семь потов сошло! – тихо пробормотал кузнец.

Только на воздухе он перевел дух и с облегчением вздохнул. Сначала старик испугался, когда увидел в глазах повелителя полное непонимание, начал повторять все сначала. Он чересчур разволновался, что ничего не стал просить для себя, передумал. Но назад ничего не воротить...

Из огромного шатра выскочил Тунгут, подошел к призадумавшемуся Кумешу, собиравшемуся направить свои подуставшие стопы в обратный и неблизкий путь.

– Постой, аксакал! Повелитель распорядился, чтобы тебе, старику, отвели отдельную юрту, накормили, назначили тебя главным советником по оружию. Это высокая честь для тебя, старик!..

Испуганно захлопали старческие глаза, от времени оставшиеся почти без ресниц. Справится ли он с порученным ему ответственным делом...

Невозмутимый слуга отвел старика к заднему ряду юрт. Нырнул он в одну, вытащил за шиворот страшно упирающуюся и истошно кричащую женщину преклонных лет. Дал ей под зад хорошего пинка:

– Пошла вон, старая!

– Зачем ты так ее? – Кумеш попытался встать на защиту несчастной.

– Она жила тут из милости, заодно присматривала за шатром. Тебе она не нужна. От нее толку тебе мало. Мы пришлем тебе молоденькую девушку, чтоб она согрела твои старческие кости живым теплом...

Бедная женщина, сгорбленная и придавленная к земле прожитыми годами, беспрестанно озираясь назад и вполголоса бормоча проклятия в адрес безжалостной судьбы, держа в руке немудреный скарб, поплелась в сторону небольшой юрты, где надеялась найти приют у своего внука, если же он, конечно, захочет приветить ее.

Печальна участь тех, кто дожил до глубокой старости, но своей крыши над головой так и не заимел или потерял, как в свое время она осталась ни с чем после смерти своего мужа...

Юркая стайка босоногих мальчишек-подростков по сигналу сменила двух девочек, которые тщательно вымели земляной пол, вынесли весь скопившийся мусор. На глазах изумленного Кумеша они внесли толстый войлок, раскатали и расстелили его, сложили в углу очаг из хорошо пригнанных друг к другу валунов, натаскали подушек, одеял...

Почувствовав себя полновластным хозяином, старик вполголоса затянул известную ему с самого детства песенку про «Голубую юрту»:

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив

Прочен, свеж, удобен и красив...

Негромкий, но красивый голос заполнил небольшое пространство и вырвался наружу, заставил замереть на месте хрупкую юную девушку, было, хотевшую приоткрыть полог и шагнуть внутрь.

В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставил на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь.
Нет в ней ни застенков, ни углов,
Но внутри уютно и тепло...

Затуманенный взгляд старика наткнулся на чью-то застывшую тень, отстраненно оттолкнулся от нее и поплыл дальше, путешествуя вместе со своим жилищем:

Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне на двор.
Тень ее прекрасна под луной,
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея – стена,
Не страшна и снега пелена,
Там меха атласные лежат,
Прикрывая струн певучих ряд...

Завороженная чарующими звуками, девушка-подросток представила себе, как заиграла в искусных руках чудо-лютня, как запела серебряным голоском...

Там певец садится в стороне,
Там плясунья пляшет при огне...

Тонкие девичьи руки сами по себе поднялись вверх, переплелись и закачались, увлекая в танец и свою хозяйку, заставляя ее тень, видимую старику, пуститься в пляс.

В юрту мне милей войти, чем в дом,
Пьяный сплю на войлоке сухом.
Очага багряные огни
Весело сплетаются в тени,
Угольки таят в себе жару,
Точно орхидеи поутру.
Медленно над сумраком пустым
Тянется ночной священный дым.
Тем, кто в шалашах из тростника,
Мягкая зима и та горька.
В юрте я приму моих гостей,
Юрту сберегу я для детей...

Набирая в грудь воздух, старик с горечью успел подумать, что только не будет у него больше никогда детей, не будет...

Ханьский князь дворцы покрыл резьбой,
Что они пред юртой голубой!
Я вельможным княжеским родам
Юрту за дворцы их не отдам...

Дрожащие отголоски замерли. Они попрятались в темных уголках. Полог приоткрылся, и тонкая тень, шагнув к хозяину, превратилась в выросшую на пороге жилища юную девушку.

– Ты – кто? – старик приподнял удивленные брови. – Ты что тут делаешь, балам?

– Моя зовут Ойсылу, – потупив взор, мелодично произнесла девочка. – Тунгут прислал мой к твоя.

Вспомнив об обещании слуги повелителя прислать к нему служанку, Кумеш нахмурился. В его представлении, ему виделась женщина зрелого возраста, много знающая и умеющая. А что толку от юной стрекозы?

И если разобраться, за ней еще самой нужен уход. Зачем ему нужна глупая и сопливая девчонка?

– Тунгут, – шагнув к подростку, старик ласково провел рукой по ее голове, – обещал прислать мне помощницу по дому. А тебе самой еще нужна нянька, чтобы платочком сопلي тебе вытирать.

– Твоя не должна плохо говорить! – девичье личико ярко вспыхнуло, как от незаслуженной обиды. – Мой уметь все...

В доказательство своих слов Ойсылу присела к установленному в уголочке юрты очагу, сложила дрова, и через мгновение-другое веселые рыжие язычки принялись лизать деревянные щепочки...

С того самого часа Кумеш больше не думал о том, что он будет есть в обед или на ужин. Каждый день мастер с самого раннего утра осматривал оружие, изготавливаемое для войска Бумына. Дивился его количеству и многообразию. Кто только, думалось ему порой, ни брался за это дело.

Из высококачественного железа алтайские мастера изготавливали и однолезвийные ножи, и тесла-топоры, стремена и удила.

Ковали местные умельцы мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел.

Однако настоящих умельцев имелось мало. Частенько изготовленные неопытными мастерами или же попросту выкованные в спешке мечи ломались после первого же хорошего удара. Шлемы и кольчуги тут же рассыпались, не выдержав, крошились на кусочки.

Недовольно кривя губы, Кумеш негодное оружие браковал, отсылал обратно. Советовал, как можно исправить, как сделать мягкое железо твердым, учил кузнецов. Жизнь при ставке Бумына ему нравилась.

К ним жутко боялись заглядывать мелкие отряды разбойничающих жужаней. Их ненавистная речь не слышалась.

По вечерам, после трудного дня, в юрте старика ожидала присланная девушка-служанка. Она согрела постель, вдохнула в него новые силы.

В первую же ночь, привыкший к полному одиночеству, он в страхе дернулся, когда его шеи вдруг коснулась прохладная девичья кисть.

– Ты чего? – приподнявшись, он тупо уставился на свою служанку очумелыми, ничего непонимающими глазами. – Чего тебе Ойсылу?

– Твоя моя господина. Мой твой косточка греть.

– Ты чего мелишь? – возмутился старик.

– Мой Тунгут сказать: твоя болеть, умирать, мой голова отрезать, на палка вешать, птичка кусать...

Одиночная слезинка робко выкатилась из задрожавших длинных и пушистых ресничек. До сих пор от зловещего свиста, вырывающегося из уст Тунгута, по ее хрупкому тельцу пробегала крупная дрожь.

А ей шибко понравился ее новый хозяин. Человек, поющий таким проникновенным голосом, по ее мнению, просто не мог быть плохим. В какое-то мгновение ей вдруг показалось, что в нем она приобретет столь необходимую любой бесправной рабыне-служанке надежную опору...

Глядя на девушку, Кумеш испугался. Он и сам никак не мог понять, чего именно опасался больше всего. То ли он переживал за дальнейшую судьбу своей служанки, случись с ним что-то, то ли он думал о том, что давно уже он не ощущал рядом с собой тугого юного женского тела, от которого исходило необъяснимое словами томящее очарование.

Приподнявшись, Ойсылу ловко скинула с плеч халат, и он бесшумно заструился вдоль всего ее долгого тела к ее голым ступням, мягко опав неровным полукругом.

– Твоя господина, твоя не должна мой прогонять, – едва-едва слышно прошептала девушка и юркой змейкой скользнула к нему под покрывало. – Мой твоя шибко любить...

Словно за одну ночь помолодевший, Кумеш на следующий день по-молодецки распрямил плечи под одобрительными взглядами того самого человека, что накануне отвел его в новое жилище.

– Рядом с юностью, – хмыкнул Тунгут, – и сам молодеешь...

В тот же день Кумеш, будто сбросив с себя лишние десяток-другой годков, почувствовал небывалый прилив сил, что без устали осматривал кладовые с оружием. Весело звенел его затвердевший голос.

Кипучая энергия мастера лилась через край, заставляла шевелиться и всех его помощников.

– Моя господина устала, – тоненькими серебряными колокольчиками встретил его взволнованный голосок девушки-подростка, с нетерпением поджидавшей его возвращения. – Твоя чай кусать, вода пить...

Над разведенным огнем в начищенном до блеска бронзовом котле, подвешенном под высоким железным треножником, аппетитно дымилось наваристое кушанье. Рядом на каменном приступке стоял накрытый толстым войлоком чан с нагретой для умывания водой...

Когда они укладывались спать, служанка привычно скользнула под толстое покрывало, вытянулась и крепко-крепко прижалась к Кумешу своим горячим и трепетным телом, уперлась в него двумя острыми комочками нежной плоти.

– Мой твоя любить, шибко любить...

– Стар я, Ойсылу, – усмехнулся Кумеш, не желая верить девичьему столь скоропалительному признанию. – Не смей меня...

Думалось старику про то, что у них огромная разница в возрасте. Да и знают они друг друга всего да ничего.

– Твоя не старая, – донесся до его ушей проникновенный шепот. – Твоя шибко уставшая. Мой твоя тоска прогонять, душа согреть...

Тонкие девичьи пальчики бережно и ласково прошли по лицу старика, любовно разглаживая морщины...

Катающийся по звездному небосводу молодой месяц-серп шаловливо заглянул в небольшое отверстие для отвода вьющегося дыма. И он стал невольным свидетелем происходящего таинства, смущенно отвернувшись, забежал за темное облачко, вздохнув, решил передохнуть...

В темном уголке завел, было, залиvistую трель сверчок, но быстро замолк. Сверкнули в темноте глазенки промелькнувшей полевой мыши.

– Ах! – упругой дугой вздымалось в крепких руках кузнеца юное девичье тело. – Моя господина! Мой умирать...

К наступившей зиме Ойсылу ходила с округлившимся животиком. А вот весной Кумеш держал на своих руках крикливый комочек, отчаянно подергивающий своими ручонками, то одной-другой попеременно, а то и обеими одновременно, а времена сучащим и кривоватыми ножками.

Кормящая мать не успевала справляться и в помощь ей по хозяйству прислали новую каракыз.

– Хозяина! – затараторила девка. – Мой Тунгут твоя присылать...

Нахмурилась Ойсылу и сразу указала рабыне на ее место у порога, и близко не подпуская ее к своему господину, который после рождения ребенка стал ее мужем, а она – его законной женой.

Глядя на своих женщин, Кумеш прятал усмешку в седых усах. Ему, по большому счету, и одной Ойсылу было больше, чем достаточно.

Но если повелитель тюрков добр к нему, даже не стоившему столь высокого внимания, то ради чего он должен отказываться.

– Подвинься! – велел он Ойсылу и поманил к себе новую девушку.

Теперь кузнецу больше не казалось, что он стар и ничего хорошего впереди его уже не ждет...

Непонятное оживление, пробежавшее по всему лагерю, оторвало его в тот день от привычных дел. Его любопытное ухо вытянулось в сторону шума, и он, помогая своему с годами ослабевшему слуху, ходко двинулся к шатру повелителя. Кого-то все очень ждали...

Но прошло еще довольно времени, пока вдалеке не появились послы. Они неторопливо двигались по степи, сопровождаемые большим отрядом всадников с разноцветными флажками на длинных копьях...

– Едут! Едут!

В северном Китае разразилась война. Правитель Восточной империи Вэй, Гао Хуань, после заключения союза с ханом жужаней Анахуанем и тогонским царем Куалюем напал на Западную империю Вэй.

В поисках сторонников император Вэнь-ди вспомнил о второй год безвылазно сидевшем у них посольстве тюркского князя и направил Ань Нопаньто к Бумыну для установления дружественных отношений.

– Подобный Солнцу Повелитель Поднебесной... – напыщенный от самой подошвы сафьяновых сапог до верхушки колпака китаец на память перечислял все титулы императора.

Затаив дыхание, выслушал Бумын витиеватую речь ханьского посла, зачитывающего длинное послание китайского императора. Повелитель Поднебесной признавал государство тюрков. С прибытием посольства между двумя державами устанавливались дипломатические отношения.

– Китайцы привезли договор! – радостная весть просочилась сквозь шелковую материю шатра, вырвалась наружу.

По всему лагерю разнеслись восторженные вскрики.

– Победа! Победа! – кричали воины.

Тюрки, радующиеся, как малые дети, крепко обнимали друг друга и поздравляли: «Теперь наша государство будет процветать! Ведь к нам прибыли послы великой державы!».

– Великий император... – Ань Нопаньто, вальяжно развалившийся на мягких подушках, приступил к витиеватому и несказанно запутанному изложению текста присланного договора.

Осторожный Бумын прекрасно понимал, что он проявил крайнюю нелояльность по отношению к своему сюзерену, ища поддержки у китайской стороны. И он проявит еще большую, отправив в столицу Западной Вэй, Чаньань, новое ответное посольство с богатыми дарами, закрепляя союз с врагом своего господина.

Но он хорошо чувствовал и настроение своего многострадального народа и понимал, что это их, может, единственный шанс приобрести независимость от жужаней и свободно вздохнуть полной грудью.

– Скажи, посол, чем сможет помочь нам император Поднебесной в борьбе с жужанями? – задал он мучивший его вопрос.

– Наша империя столь велика и могуча...

Хитровато поблескивая своими маленькими и узкими глазками, китаец пространственно пустился в далекие рассуждения о самой выгоде союза могущественной империи с таким народом, как тюрки, о которых никто не знает. А с этого дня о них будут знать и все начнут бояться...

И тогда Бумын принял решение сохранить все в строжайшей тайне, тем самым предопределяя на два с половиной десятилетия восточную политику тюркской державы как союзницы Западной Вэй и ее прямой наследницы Бэй-Чжоу, направленной против Северо-Восточного Китая, где с 550-го года укрепились династия Бэй-ци.

– Мы с огромной радостью подпишем договор! – заверил посла предводитель тюрков.

Однако, со всей возможной осторожностью вступая одной ногой в болото хитросплетенных интриг, включаясь в мировую политику, Бумын осознавал, что его народ пока еще слишком слаб, чтоб открыто бороться с жужанями, данником которых он являлся.

– Но мы просим ханьцев до поры до времени сохранить наш договор в тайне! – Бумын решил для видимости добросовестно выполнять свой долг вассала и союзника, усыпляя бдительность жужаней. – До той поры, пока не подвернется удобный повод, чтобы ударить по жужаням...

И случай к тому не заставил себя долго ждать, представился в том же году, подтолкнул ни шатко ни валко катящуюся телегу Истории...

Внимательно слушавшая рассказ дервиша, Суюм задумчиво провела пальчиком по своим губам и, подняв глаза, спросила:

– Скажи, почтеннейший странник, в чем же крылась сила этих шаек грабителей? Почему они держали всех в страхе?

– Основной силой разбойничьего ханства жужаней было невероятное умение держать в подчинении многочисленные племена тэлэ (прямыми потомками их являются телеуты и якуты). Где-то еще на заре своей истории, в III веке до нашей эры тэлэ жили в степи к западу от Ордоса...

В 338-ом году они все подчинились тобасскому хану, подпав под его власть, а где-то в конце IV века перекочевали на север, в Джунгарию, и распространились по Западной Монголии, вплоть до Селенги. Будучи неорганизованны и разрозненными, они не могли тогда оказать достойного сопротивления жужаням и принуждены были платить им дань.

Дотошный взгляд со стороны непредвзятого наблюдателя мог почти сразу заметить, что племена тэлэ, как воздух, были нужны жужаням, но тэлэ совсем не нуждались в орде жужаней.

Если народ степных разбойников сложился из тех людей, которые избегали изнурительного труда, и дети их предпочли заменить любой физический труд разбойным и грабительским добыванием дани, то тэлэ прилежно занимались скотоводством.

Испокон веков они хотели спокойно пасти свой скот и, естественно, не желали кому-то и что-то платить.

Сообразно жизненным склонностям жужани слились в разбойничью орду, чтобы с помощью грубой военной силы и своей организованной и сплоченной мощи жить за счет соседей. А племена тэлэ так и оставались слабо связанными между собой. Каждый из двенадцати родов управлялся старейшиной – главой рода, когда «все родственники живут в согласии», но всеми силами при этом стремились и отстаивали свою независимость.

Хотя тэлэ и жили рядом с жужанями, но ничем на них не походили. Они рано вышли из состава империи Хунну, сохранив свой примитивный строй и кочевой быт. Племена тэлэ кочевали в степи, передвигаясь на телегах с высокими колесами, были в меру воинственны, вольнолюбивы, но, на свою беду, не склонны к самоорганизации...

Западные племена тэлэ очень тяжело переносили на себе невыносимо тяжелое иго ненавистных жужаней.

Наконец, и их неиссякаемое терпение просто лопнуло: они восстали и из западной Джунгарии двинулись в Халху, чтобы нанести жужаням удар прямо в их сердце. Однако поход был плохо организован, и время для него выбрали крайне неудачно. Действия тэлэ больше походили на стихийный взрыв народного негодования после того, как по всей степи пробежался слух о том, что к тюркам приезжали китайские посланники, чем на планомерно организованную войну.

Слух о возмущении племен тэлэ бежал далеко впереди них. Достиг он ставки хана жужаней, и тот незамедлительно принял ответные меры для подавления восстания своих данников.

– Я раздавлю их, как саранчу! – негодовал хан жужаней.

К Бумыну поспешно прибыл гонец от хана жужаней Анахуаня с категорическим требованием немедленно всем выступить в поход против взбунтовавшихся скотоводов: «Выступи, разбей и приведи ко мне этих погонщиков скота...».

– Хан приказал, – надменно заявил посланник хана жужаней, – чтобы ты, Бумын, не медлил. Иначе через неделю тебя самого приведут к моему господину на длинном волосяном аркане.

На лицо повелителя тюрков опустилась тень глубокой задумчивости. Открыто не подчиниться, отказаться выполнять волю своего господина он не мог. Возмездие могло последовать незамедлительно. Хан Анахуань мог немедля со всей жестокостью наказать его заслушание. Поначалу расправиться с его народом, а потом наброситься на племена тэлэ.

– Что именно передать моему хану? – посланник жужаней скривился в ехидной улыбке.

– Передай нашему господину, что мы выступаем...

Во все стороны, обгоняя ветер, помчались гонцы, оповещающие о начале похода. Поднятые по тревоге отряды тюрков потянулись к назначенному месту сбора.

Отдельные воины собирались в десятки, из них составлялись сотни, сводились в тысячи... По ходу марша проводились учения и смотры.

Из предусмотрительно созданных запасов оружия Бумын вооружал отряды, которые на глазах превращались в организованное и достаточно неплохо оснащенное войско.

В движении учились атаковать противника сплоченными рядами, проводили преследование отходящего войска, отрабатывали притворное отступление и заманивание врага в расставленную ловушку...

Когда тэлэ прошли половину пути, из ущелий Гобийского Алтая выехали стройные ряды тюрков в пластинчатых панцирях с длинными копьями, на хорошо откормленных боевых конях. Знатно за эти годы постарался старик Кумеш...

Ошеломленные тэлэ остановились. Они-то не ожидали флангового удара. Кроме того, тэлэ собирались воевать не с тюрками, от которых они никогда не видели ничего плохого, а биться с ненавистными жужанями.

На небольшой ровной площадке возвышающегося утеса встретились старейшины тэлэ и повелитель тюрков. Угрюмые и напряженные лица, настороженные взгляды исподлобья...

– Бумын, нам нечего с тобой делить. Пропусти нас...

Почти не разжимая губ, повелитель тюрков со скрытой угрозой в голосе произнес:

– Или вы все становитесь в наши ряды, и тогда мы вместе идем на жужаней. Или я буду вынужден вас атаковать...

Старейшины задумались. И у тех, и у других оставался выбор: или погибнуть всем в жаркой схватке на узкой равнине между ущельями на радость их общему врагу, или, объединившись, ударить по жужаням...

– Разделим судьбу вместе...

– Иного выхода у нас нет...

После двух дней переговоров старейшины родов тэлэ признали над собой верховную власть Бумына и изъявили ему полную покорность. А предводитель тюрков, приняв ее, совершил второй крайне нелояльный поступок по отношению к жужаням.

Договор для верности скрепили взаимным кровным родством. Бумын отдал свою дочь в жены одному из предводителей, взамен женившись на дочери другого старейшины.

Предводитель тюрков хорошо понимал, что покорность в степи – это понятие взаимно обязывающее. Иметь под своей рукой 50 тысяч кибиток подданных можно лишь тогда, когда делают то, что хотят их обитатели.

В противном случае, можно быстро лишиться и головы, и этих самых подданных. Вставшие под его начало тэлэ хотели одного – уничтожить жужаней, и он прекрасно знал об этом.

Именно этого хотели и его соплеменники. И, следовательно, война была неизбежна. Рано или поздно, но она все равно бы началась.

И так как это стремление своих подданных разделял и сам правитель, то ход дальнейших событий оказался предрешен...

Двойной праздничный туй еще не закончился, а их головные отряды уже выдвинулись в степь по направлению к становищам жужаней.

Неутомимый Бумын скакал, появлялся то во главе своего войска, то пропускал его, пересчитывая отряды, прикидывал свои силы...

Через неделю непрерывного движения он собрал в своем походном шатре малый военный совет, на котором присутствовали самые близкие родственники Бумына и все военачальники. Отдельно от них сидели в ряд старейшины тэлэ.

– Мы сейчас не сможем одолеть жужаней, – медленно произнес, жуя толстыми отвислыми губами, старый и мудрый Тёлкэ, заслуженный и прославленный во многих стычках и боях полководец.

– Почему? – коротко спросил Бумын, и никто особо не заметил, как он весь подобрался.

Защитная маска непроницаемого спокойствия, ловко наброшенная на его лицо, надежно скрывала от всех присутствующих тяжелые сомнения предводителя. Возглавив поход, он и сам не был уверен в удачном исходе столь опасного и непредсказуемого предприятия.

– Поясни... – потребовал предводитель.

Ему позарез хотелось, чтобы его сомнения высказал кто-то иной и нашлись достаточные доводы, чтобы приостановить начавшийся поход до наиболее подходящего момента, который, в этом он не сомневался, еще настанет, но время которого еще не подошло.

– У них войска собрано не меньше нашего, – старый Лис обвел своим тяжелым взглядом вождей, что пылали желанием немедленно ринуться в кровавую схватку. – Оно намного лучше вооружено. С одними палками, – в его прищуренных глазах промелькнула усмешка, – в бой на броню не кидаются, с голыми руками против льва не бросаются...

И все прекрасно поняли, что речь пошла о многочисленных, но плохо вооруженных и слабо организованных отрядах примкнувших к тюркам союзников. По сравнению с войском Бумына они сильно проигрывали и в предстоящем сражении с жужанями вряд ли смогли бы выдержать любой мало-мальски сильный натиск их конницы.

– Выходит, – резко вскочив, с отчаянием в голосе воскликнул самый молодой и горячий из родов тэлэ, – мы никогда не сможем избавиться от этих проклятых жужаней? Если мы изначально обречены на неминуемое поражение...

– Зачем же мы идем в военный поход, который заранее, как говорит, Тёлкэ обречен на поражение?

– Ты обманул нас всех, Бумын! – вырвался из разгоряченной груди обидный упрек.

Еще немного и, возможно, уже бывшие союзники бросятся друг на друга. Мужественные руки потянулись к рукояткам мечей. Напряглись, взбугрив мышцы, плечи. Послышалось тяжелое дыхание.

– Вы все в гостях у меня! – предводитель тюрков приподнял правую руку, властно призывая собравшихся военачальников к спокойствию.

– Послушаем, братья, – согласно кивнул один из старейшин тэлэ, – что нам еще скажут...

Дав время утихнуть крикам, Тёлкэ вкрадчиво продолжил:

– Я не сказал, что мы обязательно должны в пух и прах проиграть. Думаю, что и они не смогут в два счета одолеть нас.

– Почему? – громко спросил Бумын. – Поясни! – потребовал он.

То, что излагал старый полководец, как нельзя лучше, вписывалось в его планы. Оно давало ему возможность приостановить движение и в то же самое время не исключало возможности его возобновления в любой удобный момент. Только бы Тёлкэ не остановился на полпути и доиграл свою партию до самого конца, как они и задумали все заранее...

– Мы боремся за то, чтобы стать свободными, наши люди одержимы одной общей целью. Они будут драться насмерть, а жужани – нет. Это уравнивает наши силы. И трудно предсказать, на чьей стороне заполюется удача и куда склонится чаша весов...

Задумчивая тишина зависла в воздухе. И стало слышно, как где-то в углу назойливо жужжит наглая зеленая муха, ворвавшаяся в шатер сквозь щелочку в приоткрывшемся от порыва ветра полог.

Выдержав долгую, многим показавшуюся невыносимо мучительной паузу, повелитель тюрков вытянул правую руку:

– Что ты предлагаешь?

– Нет смысла вступать в бой, когда нет уверенности в своей победе. Мы покажем жужаням свою силу, и этого вполне достаточно. Я думаю, что тебе надо попросить руки ханской дочери, – блеснули хитрым огнем глаза старого лиса.

– Он мне откажет, – Бумын непонимающе пожал плечами.

По губам Тёлке пробежала коварная улыбочка:

– Зато он будет взбешен и почувствует нашу силу, подумает о том, что раз ты осмелился сделать ему такое предложение, то чувствуешь за собой непреодолимую силу и нисколько не боишься его гнева.

– Ты прав, наш мудрый и хитрый Тёлкэ! – удовлетворение медленно разливалось по каменевшему лицу вождя и размягчило его.

Это был бы очень хитрый и дальновидный шаг.

– Мы так и поступим...

Стремясь вызвать конфликт с жужанями и одновременно не желая оказаться в роли обидчика, делая вид, что согласился на уговоры своих советников, Бумын пошел на явную провокацию.

Как и предлагал старый полководец, он направил к хану Анахуаню послов с просьбой дать ему в жены ханскую дочь. По степным обычаям, это сразу бы поставило его на равную ногу с ханом, на что тот никогда бы не смог согласиться, не теряя своего авторитета.

С трудом хан жужаней дослушал послов, и его до белого каления довело дерзкое предложение предводителя тюрков.

– Каков наглец! – вскочил Анахуань с трона, когда невозмутимые послы откланялись и покинули его покои.

Как разъяренный тигр, метался хан жужаней по шатру, круша все на своем пути. Первым его желанием было немедленно отрубить головы ухмыляющимся послам. Но потом он взял себя в руки. Задумался...

Если тут же на месте убить наглых тюрков, то кто тогда отвезет его ответ? Направлять к Бумыну своих людей, чтобы и их в ответ убили?

– Пиши! Пиши! – шипя от злости и брызгая во все стороны ядовитой слюной, приказал Анахуань писцу. – Ты – мой плавильщик! Как же ты осмелился сделать мне бесстыдное предложение?..

Избитые и ободренные послы тюрков привезли с собой ответ хана. Отказ поставил Бумына в положение обиженного.

Обида развязала ему руки. Чтобы уже навсегда отрезать все пути к примирению, предводитель тюрков приказал казнить прибывшего с ответом посла жужаней. Объявили тревогу и споро начали готовиться к неминуемой битве. И все случилось, как и предполагал Тёлке.

Хан жужаней не решился на открытое столкновение. Он рассчитывал на то, что союз тюрков непрочен и скоро распадется. Тогда он разобьет их по частям. А пока он предпочел выждать...

Ожидаемый отказ хана жужаней выдать дочь за Бумына поколебал уверенность некоторых вождей. Они посчитали за благоразумие начать вести переговоры с жужанями. Чаши весов судьбы заколебались, пришли в опасное движение.

Но и предводитель тюрков не медлил. Союз с Западным домом Вэй ему весьма пригодился. В спешном порядке отправили новое посольство к Вэнь-ди с богатыми дарами и предложением выдать замуж за Бумына одну из принцесс, которых при дворе повелителя Поднебесной развелось к тому времени в бесчисленном количестве.

На этот раз желанный ответ пришел быстро. Почву для такого шага заранее подготовили. Куплены были люди близкие к императору, чтобы они в нужный момент смогли бы нашептать на ушко желаемое решение.

Летом 551 года под охраной пятидесяти тысяч войска к ним прибыла ханьская принцесса Чанле. Сыграли пышную свадьбу.

Всех гостей обязательно проводили мимо грозных отрядов китайских всадников, внушающих страх и уважение. За обширным столом восседал важный и торжественный Бумын. За один день его авторитет возрос до небес. Еще бы, за ним стоит сам повелитель Поднебесной!

– Ты принесешь мне желанную победу! – он подхватил китайскую принцессу на руки, когда они остались одни, и закружил.

Тоненькая девушка-подросток, почти девочка, ничего не понимала, но послушно и часто кивала своей головкой. Она была сильно напугана.

Не понимала она, зачем только дядя отправил ее в эту варварскую страну. Ей так было хорошо в его огромном дворце...

– Наш сын будет править всем миром!

Юная Чанле согласно закивала головой. Да-да, она согласна на все. Она стала разменной монетой в чьей-то хитроумной игре.

Ее всему научили и строго предупредили. Она непременно должна стать женой этого непонятного, внушающего ей страх человека и во всем угождать ему. Он ее хозяин. Хозяин ее души и ее тела. Как же страшно! Страшно, страшно...

Стремясь использовать внезапность нападения, тюрки неожиданно выступили в военный поход посреди зимы. К тому времени они имели достаточно подготовленное войско. А вот отряды жужаней оказались разбросаны по всей степи, так как в пору суровой бескормицы кочевья располагались на больших расстояниях друг от друга, чем летом.

– Великий хан! – в ставку жужаней прибыл перепуганный гонец.

Худая весть о выступлении тюрков пришла слишком поздно, и хану Анахуаню не удалось собрать все силы в единый кулак. Пришлось хану встречать врага с сильно ослабленным войском.

– Победа или смерть! – тюрки с криками двинулись на врага.

В ожесточенном сражении войска Бумына разгромили все основные силы жужаней. В руки победителей попали большие обозы, все жены и дочери хана жужаней. Сам Анахуань с небольшим отрядом скрылся в бескрайней степи. Однако посланные за ним в погоню отряды настигли его, окружили, и хан Анахуань кончил свою жизнь самоубийством.

– Собаке – собачья смерть! – усмехнулся Бумын.

Убежать удалось только его сыну Яньлочену, который бежал к своим союзникам цисцам.

– Пощады! Пощады! – голосили домочадцы Анахуаня.

Бедные женщины тряслись в ожидании своей участи. Старшую жену сбежавшего хана жужаней, злобную и противную старуху с узкими, как две щелки, глазами на сморщившемся лице посадили на длинную цепь у столба, откуда она отрывисто таякала на непонятном языке.

– Шайтана! Дивана! – выкрикивали воины в ее адрес.

В нее кидали обглоданные кости, тыкали острыми копьями, и тогда старуха затягивала жалобные песни, безмерно забавляя гостей.

– Ха-ха-ха! – ржали счастливые победители.

Многочисленных жен хана, что помоложе, юных дочерей-подростков заставили нагими прислуживать на пышном пиру, устроенном в честь торжествующих победителей. Горькая участь невольниц настигла и их.

Еще вчера госпожи, в тот вечер они прислуживали своим бывшим слугам. По окончании туя девушек раздали военачальникам и воинам, особо отличившимся в бою...

Перед тем, как отправить девушек прислуживать воинам, Бумын сам посмотрел на них. С десятков испуганных пар глаз неотрывно глядели на него. Видно, догадывались они, что именно от этого страшного для них человека зависела вся их дальнейшая судьба.

– Кто должен был стать моей женой?

Непонятый девушками вопрос завис в воздухе. Дочери монгольского хана тихо переговаривались, глядя на Бумына и пожимая плечами.

– Они не понимают, – громко рассмеялся брат предводителя, Турсук.

– Пусть им переведут, – махнул рукой Бумын. – Хочу посмотреть на ту, в обладании которой мне отказали.

Кликнули толмача, и тот быстро заговорил, показывая глазами на вождя тюрков. Испуганно захлопали длинные девичьи ресницы, забежали растерянные взгляды. Засуетились коварные и подлые руки и вытолкали вперед девочку, почти еще ребенка.

– Злобные суки они, отродье своего отца-пса, – сквозь зубы процедил Бумын. – Они думают, что сами спасутся, кинув мне на растерзание несмышленную девчонку. Раздайте их.

– А что делать с твоей невестой? Может, сыграем для нее свадебный туй? – раздался каркающий смешок Турсука. – В женихи определим ей самого последнего нищего...

– Отвести девочку в шатер ханьской принцессы, – качнув головой, распорядился повелитель.

– Сделать из нее служанку? – выступил вперед Тунгут, заведовавший внутренним устройством.

Приподняв насмерть перепуганный детский подбородок, Бумын с интересом заглянул в дрожащие от слез глазенки.

– Она еще слишком мала. Пусть ее для начала чему-нибудь научат.

Собрался курултай, и вожди провозгласили Бумына иль-каганом – вождем всех вождей. Появилось молодое, грозное государство Тюркский каганат, и все его соседи скоро это почувствовали. Во все стороны, во все граничащие страны, разослали гонцов с требованием признать над собой власть иль-кагана, стать его данником...

Следующей весной готовились к сокрушительному походу против тех, кто посмел откаться и не признать власть иль-кагана.

Но неожиданная кончина Бумына заставила надолго отложить поход. Разгорелась нешуточная борьба за право стать иль-каганом.

В шатер Кара-Иссыка под покровом ночной темноты проскользнула ханьская принцесса Чанле.

Тихонечко перешептывающиеся мужчины отпрянули друг от друга. Время настолько смутное, что доверять можно только себе и то, если во время сна крепко сжать зубы. А тут еще женщина, на беду, появилась.

Кто ее послал? Для кого она шпионит? Для Турсука? Это же ему, в случае его победы, отойдут по праву все жены умершего правителя.

– Чанле, – Кара-Иссык нахмурился, – я не помню, чтобы приглашал тебя. Раньше ты меня своим вниманием не баловала.

– Я не хочу стать женой Турсука! – приподняв гордый подбородок, но, сдерживая себя, тихим шепотом сообщила женщина. – Ты должен выслушать меня! – твердо заявила она.

Слишком много Чанле поставила на чашу весов, решившись на этот шаг, а потому она собралась идти до конца, чего бы это ей ни стоило.

– И чего ты хочешь? – Кара-Иссык подался вперед, загораживая от света своего собеседника. – Говори и уходи!

– Турсук напился, приходил ко мне, едва сумела вытолкать его...

В красиво очерченных женских глазах одновременно блеснули и гадливость, и безгласность, причудливо перемешанные с непонятной ему загадочностью, и Кара-Иссык прищурился:

– Что он хотел?

– Он хвастал, Кара-Иссык, что дни твои сочтены. Он хвалился, что сумел поссорить тебя с младшим братом Бумына Истеми. Хвастал, что Истеми поможет ему в борьбе с тобой. А потом Турсук расправится и со своим младшим братом...

В стесненном пространстве полутемного шатра явственно запахло тревожным ощущением надвигающейся опасности, вызванным женскими словами, возможно, скрытыми за них коварством и обманом.

Сын Бумына настороженно прищурился:

– Зачем ты мне все это говоришь?

Пряча лицо под накидкой, Чанле прошептала:

– Чтобы ты опасался расставленной тебе ловушки. Я побежала. Когда ты победишь Турсука, не забудь про несчастную Чанле...

– Я подумаю над твоими словами...

– Думай скорее, не опоздай...

Шелохнулся полог, и гибкая женская тень скрылась в поглотившей ее непроглядной темноте. Собеседники долго молчали. Каждый думал о своем, но, по сути, об одном и том же. Слишком много лежало на весах судьбы. Всего лишь одна фатальная ошибка и...

– Истеми-абый, ты сам все слышал, – Кара-Иссык испытывающе посмотрел в глаза своего дяди. – Кому из вас я должен верить?

– Верь обоим, – лицо мужчины выдвинулось из темноты. – Женщина передала нам то, что она слышала. Это я напоил Турсука, обещал ему свою помощь. Но мы поступим с тобой по-другому...

Прошло еще немало времени, пока Истеми не поднялся и не покинул шатер своего племянника после того, как они тщательно обговорили свои дальнейшие действия.

Парочка темных теней отделилась от соседней юрты и последовала вслед за своим повелителем. Путь предстоял им немалый. До восхода солнца им надлежало спешно вернуться в свою ставку, чтобы успеть и подготовиться к предстоящему сражению.

Только первые лучи солнца позолотили, коснулись высоких вершин гор, в лагере Кара-Иссыка прозвучала тревога. Его тумены поднялись и ушли в степь. Турсук будто этого только и ждал, объявил о том, что его племянник взбунтовался, и сам лично возглавил, пошел в поход против непокорного сына Бумына.

Медленно сходились два войска. Даже простому наблюдателю, очень далекому от всех военных премудростей, сразу же становилось понятно, на чьей стороне оказался явный численный перевес.

Войск у Турсука собралось раза в два больше. Его тяжелая конница ускорила свой бег, усиливая мощь и силу первого удара, который должен будет сокрушить, разнести в пух и прах все на своем пути.

Видел злорадно усмехающийся Турсук, как растерянно оглядывался по всем сторонам Кара-Иссык в, видно, тщетной надежде увидеть своего союзника. Он-то хорошо знал, что Истеми по их с ним договоренности свое войско припрятал позади, чтобы в ходе битвы ударить в тыл сыну Бумына. Вместе они для начала уничтожат войско Кара-Иссыка, а потом уже его воины развернутся, внезапно нападут на опьяненных победой, празднующих и ничего не подозревающих нукеров Истеми...

– Уходим! – «не видя» обещанной ему помощи и поддержки, Кара-Иссык тронул поводья и дал команду трубить «Отход».

Тумены развернулись и, набирая ход, резво покатались под защиту виднеющихся вдалеке холмов. Имея при себе более легкое вооружение, они заметно стали отрываться от преследователей, и тогда разгоряченный Турсук махнул рукой, прищипорил своего коня и помчался вперед во весь опор. За ним потянулись нукеры его охранной сотни, первой тысячи.

– Догоним трусливых шакалов! – горячился тысячник.

Их отборные кони еще способны были выдерживать бешеный темп преследования. Задние тысячи шаг за шагом начали отставать...

– Проклятье! – выругался Турсук. – Где бродит сын тушканчика?

Теперь уже Турсук, как прежде его непокорный племянник, вертел непонимающей головой. Куда же подевался Истеми? Неужели младший брат обманул его и увел свои войска, спрятавшись в сторонке и дожидается исхода битвы? Хитрец, глупец, решил и его, Турсука, провести. Но это только отсрочит их неминуемый конец...

– Доберусь я и до тебя! – погрозился Турсук.

Колонны отступающих, проще сказать, позорно убегающих с поля битвы туменов Кара-Иссыка втягивались в долину между холмами.

Узкое место оказалось не в силах пропустить всех сразу, движение застопорилось. До хвоста врага оставалось рукой подать, и это сильно раззадорило Турсука. Он снова пришпорил коня.

Первые сотни на полном скаку проглотили пространство между холмами и рядами бегущих с поля битвы и выскочили на ровное поле.

В пылу погони Турсук не заметил, как справа и слева проносились мимо него сближающиеся с двух сторон конские лавины.

Когда заметил он, стало поздно. Прозвучала команда. Взметнулись вверх и опустились руки командиров. Как один поднялись мощные луки. Стрелы натянули тетивы. Тучи остро жалящих, несущих смерть тонких палочек с заостренными железными наконечниками взвились в небо и понеслись навстречу своей добыче. Еще один залп, еще...

– Назад! – кричали сотни. – Засада!

Каждый последующий залп валил с ног лошадей и их всадников с седел, всех, кто успевал за этот миг пролететь между вратами смерти, стремительно несясь навстречу своей гибели. Мало кто из них успевал развернуться. Но и тех сбивали свои же, мчавшиеся вперед нукеры, еще не знавшие о том, что их ожидает впереди за холмами...

Тумены Кара-Иссыка остановились, легко перестроились, понеслись, сокрушая ряды пришедшего в полное расстройство войска Турсука.

Слева и справа, довершая полный разгром, ударили тумены Истемии.

Радостью осветилось лицо ханьской принцессы, когда она увидела едущих впереди победившего объединенного войска улыбающихся Кара-Иссыка и Истемии.

– Мой повелитель! – она наклонила голову перед остановившимся Кара-Иссыком. – Я готова служить тебе!

– Ты немного ошиблась, Чанле, – сын Бумына усмехнулся. – Я еще не повелитель. И не буду. Им будет мой дядя.

Горя радость, лицо принцессы нахмурилось. Она из огня попала в полымя. Стать женой...

– Я дарю ее тебе... – Истемии великодушно махнул рукой. – Если ты поможешь мне стать каганом, как мы с тобой уже договорились. Первую битву мы с тобой выиграли. Сколько их еще впереди...

Оба военачальника прекрасно осознавали, что самая упорная война предстоит им обоим в борьбе за верховную власть именно между собой.

Уже в ту самую минуту Истемии понимал, что его гордый племянник не согласится долгое время оставаться на вторых ролях.

Без всякого спора, найдутся те, кто тихим елеем вольет в его уши коварные мысли о том, что именно он, Кара-Иссык, должен наследовать державу своего великого отца...

Легкий полог шатра опустился, отгородив собой ночное звездное небо и сузив все пространство до размеров небольшой походной юрты, расставленной для сына Бумына в окружении двух десятков палаток поменьше его личной охранной сотни.

Ярко пылающие огоньки в очаге, расположенном посередине юрты, отбрасывали во все стороны причудливые тени.

В руке полуобнаженной юной женщины тихонько позвякивал бубен искусной работы, украшенный дорогими камнями.

Вторая рука, вытянутая вверх, гибкой змейкой плавно покачивалась в такт музыке. Зачарованно смотрел Кара-Иссык на танцующую перед ним красавицу. Бурлила и закипала кровь...

– Ты не должен отдавать вся власть своему дяде, – отравленным зельем в уши разморенного и расслабленного мужчины вливался тихий шепот. – Вы можете поделить ее...

– Ты способна уговорить мертвого... – усмехнулся мужчина.

Поддавшись уговорам Чанле, обещавшей ему всемерное содействие ханьского императора, Кара-Иссык, не вняв разумным доводам своего дяди Истеми, объявил себя на Совете верховным правителем и вступил на престол, приняв титул Кара Иссык-хана (Черного Горячего хана).

Провозглашение хана по давней традиции обставили сложнейшим церемониалом. Кара-Иссыка посадили на толстый белый войлок, и самые именитые старейшины и вожди девять раз пронесли его по кругу, по ходу солнца. Затем усадили его на лошадь, стянули шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, у него спросили:

– Скажи, сколько лет ты желаешь быть над нами ханом?

– Скажи, как собираешься ты править?

Каждый из участвовавших в древнем обряде знал, что эти вопросы какого-либо значения не имеют. Давняя традиция осталась еще с тех пор, когда хан был выборным племенным вождем.

Совсем немного времени прошло с того момента, когда установили наследование престола по довольно сложной системе, которую Кара-Иссык нарушил, пожелав стать верховным правителем.

Но он был сыном своего великого отца, а потому все и подчинились его воле. Многие, правда, лишь сделали вид, что они подчинились.

– Пусть потешится! – перешептывались они. – Время покажет...

Согласился со своим племянником и его дядя Истеми после того, как его объявили наместником всех провинций в странах заходящего солнца, уже завоеванных и еще не захваченных.

– Земли много, мне ее хватит... – усмехнувшись, Истеми внял вполне разумным доводам и принялся за подготовку к великому походу.

Там, на завоеванных им самим землях, он построит для себя новую державу, сохраняя от хана лишь номинальную зависимость.

– Посмотрим, – хмыкнул Истеми, – кто станет удачливее и сильнее...

Разгромленные внезапным ударом тюрков, жужани выбрали своим ханом дядю погибшего вождя, объединились и продолжили борьбу.

– Мало вам? – мгновенным броском Кара Иссык-хан встретил их главные силы около горы Лайшань и нанес им полное поражение.

Овеянный неувядаемой воинской славой хан возвратился из похода. Казалось, власть его укрепилась, и тучи над его горизонтом исчезли...

Но за его спиной уже зрел династический заговор. Родные братья Кушу и Тобо договорились избавиться от правителя.

– Он нам брат по отцу, – говорили они, – но матери у нас разные...

Заклучили договор о том, что после смерти старшего брата власть перейдет не к его сыну, а к младшему брату, а от него к третьему брату...

– Каждый из нас в свое время станет правителем! – порешили они.

Всего этого не знал и не мог даже догадываться об этом Кара Иссык-хан, и он вскоре умер при загадочных обстоятельствах.

– Прочь с дороги, щенки! – сына его Шету от власти отстранили.

На освободившийся престол вступил младший брат Кара Иссык-хана, Кушу, с титулом Мугань-хан.

Новый хан был тверд, жесток, храбр, умен и ничем не интересовался, кроме войн. Поздней осенью 553 года он снова разбил войска жужаней.

– Собакам – не место на нашей земле! – Мугань-хан выгнал жужаней за пределы своей державы.

– наших друзей мы в беде не оставим! – цисский император принял своих несчастливых союзников и отразил преследовавших их тюрков.

Но злосчастные жужани не смогли ужиться в Китае.

– Честная жизнь не по нам... – вздыхали жужани.

Лишенные своих стад и всего имущества, не привыкшие к труду, они по своей извечной привычке принялись открыто разбойничать, и цисское правительство уже весной следующего года вынуждено было выслать против них войска. Жужани потерпели поражение, просили прощения, но, прощенные, разбойничьего поведения своего не изменили.

– Горбатого могила исправит! – летом 555 года цисский император изгнал жужаней прочь со своих территорий в степь, где их немедленно разгромили тюрки и кидани.

В 561 году оба китайских императора направили к Мугань-хану послов с просьбой выдать замуж ханскую дочь.

– Стань нашим братом, частью нашей семьи! – наперебой предлагали оба императорских дома.

Подарки, представленные из богатого Бэй-Ци, чуть, было, не решили дело в их пользу, однако дипломатическая ловкость чжоуских послов вынудила Мугань-хана сохранить верность союзному договору.

– Степняка кормит война... – он решил наверстать потерю подарков приобретением военной добычи.

В 563 году союзники осадили город Цзиньянь, но успеха не имели. И тюрки, ограбив страну, вскоре вернулись в свои степи.

– До весны жирка нам хватит... – философски рассуждали простые воины, – до нового набега как-нибудь доживем...

На следующий год поход был повторен. Но полное поражение одной из чжоуских армий, нанесенное цисцами под Лояном, заставило Мугань-хана отвести войска.

– Сила на нашей стороне... – вкрадчиво напевал посол из дома Ци. – В союзе с нами ты...

– Союзников, как наложниц, я не меняю... – несмотря на военную неудачу, Мугань-хан снова отверг предложенный ему союз Ци.

Согласно союзному договору империя Чжоу выплачивала тюркам ежегодно по сто тысяч кусков шелковых тканей...

В 572 году Мугань-хан умер. Его брат и наследник Тобо-хан, хитрый и дальновидный, одновременно не порывая с империей Чжоу, заключил мир с империей Ци:

– Я согласен взять в жены принцессу из дома Ци и принять дары...

Когда империя Чжоу осмелилась отказаться от очередного взноса дани, одной лишь военной демонстрации оказалось вполне достаточно для восстановления исходного положения.

– ...только бы на юге два мальчика (Чжоу и Ци) были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности... – едко посмеивался Тобо-хан.

И он умело манипулировал ими (домами Чжоу и Ци)...

Скоропостижная смерть Кара Иссык-хана приостановила детальную подготовку к наступлению на западные страны.

– Смута – не лучшее время для похода... – решил Истеми.

Младший брат Бумына после долгих интриг подтвердил свою власть наместника в столице заходящего солнца. Он кровавыми расправами укрепил ее и провозгласил себя Истеми-каганом.

– А вот нынче пора! – объявил он на Совете.

Отложенный поход начался весной 554 года, когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы. Тюрки, подчинив себе все соседние племена, обложив данью Китай, который, напуганный возросшей их военной мощью,

откупался сотнями тысяч кусков шелковой ткани, двинулись на заход солнца по известному пути, проложенному хуннами.

– Повторим славный подвиг наших предков! – кричали воины.

После недолгой борьбы сдались и вынуждены были присоединиться к тюркам племена южной Сибири, все народы, что проживали на юге Каменного пояса.

– Вперед! Вперед! – поторапливал всех Истеми-каган.

Не встречая на своем пути ожесточенного сопротивления, войско тюрков достигло Хорезмского (Аральского) моря. За полтора года они легко подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм.

Продвижение войска было стремительным. А дальше пошло намного труднее. На северных берегах Аральского моря тюрки натолкнулись на сопротивление племен хионитов и предков авар. Только через три года эти племена были разгромлены, и тюрки вышли к Волге, гоня перед собой всех тех, кто отказывался им покориться. Остатки этих племен впоследствии сольются в единый народ – авар.

Непобедимые тюрки не перешли Итиль и ограничились подчинением приуральских степей. На этом практически поход Истеми на страны заходящего солнца закончился...

Глава IV. Шелковые войны

Последний темно-красный лучик стыдливо проскользнул по стене. За окном опустились серые сумерки. А им на смену уже спешила темная ночь.

Тускло светили зажженные светильники. И лишь увидев в окошке первые звездочки, Суюм опомнилась, легким и грациозным движением приподнялась и всплеснула извиняющимися руками:

– Прости, почтеннейший, ночь уже на дворе...

– Апа! Апа! – умиленное выражение мольбы, непередаваемой силы и глубины, появилось на лице у мальчика. – Еще чуть-чуть!

– Если только, – Суюм вопросительно посмотрела на дервиша, – наш учитель будет не против, а то мы мучаем его своими расспросами.

– Нисколько, ханум. То внимание, с которым вы все меня слушаете, придает мне все новые силы, – улыбнулся ученый гость.

Отставив в сторону тонкостенную китайскую чашку с недопитым темно-красным чаем и по краешку надкусанный медовый пряник, Хаджи Хасан приготовился продолжить свой рассказ.

– Мы все ближе и ближе, – Суюм прищурилась, – подбираемся к нашему времени. Не пора ли нам вернуться к булгарам? Куда они пошли после гибели Аттилы? Куда исчезли все народы, пришедшие с хуннами? Не забыли ли о них, окунувшись в историю детей благородного Ашина?

– Я хорошо помню о них, ханум, – дервиш многозначительно провел ладонью по щекам, огладил бороду. – История потомков волчицы столь сильно переплелась с судьбой народов булгар, что, не разобравшись в ней, трудно понять то, что случилось с ними. Тюрки-завоеватели, придя в широкие степи Хазарского (Черного) и Абескунского (Каспийского) морей столкнулись там с многочисленными народами. Это были народы алан, аваров, племена булгар: савиры, барситы, утигуры, кутригуры...

– Язык сломаешь! – пробормотал мальчик.

– Ш-ш-ш! – многозначительно прошипела Насима и укоризненно покачала головой. – Я все скажу твоему отцу...

Не лишенный наблюдательности, Хаджа Хасан заметил, как сильно вытянулось и моментально поскущнело мальчишеское лицо, и он быстро продолжил, стараясь словесной вязью тут же заполнить неловкую паузу:

– И еще многие-многие другие тюркоязычные племена, пришедшие в эти места вместе с хуннами за несколько веков до нашествия тюрков.

– Значит, народы хуннов, другие племена, не исчезли, не испарились, бесследно растворившись в воздухе, как нам говорят об этом легенды?

– Нет, ханум. То, что мне удалось узнать из скудных источников, все же может свидетельствовать нам о том, что народы булгар занимали в союзе хуннов особое положение...

После смерти предводителя хуннов многие булгары служили долгое время наемниками у Румского (Византийского) императора Зенона. По его приказу они разоряли земли Балканского полуострова. Часть из них после распада империи хуннов ушла, вернулась к верховьям Итиля, откуда в поход на страны заходящего солнца ушли их деды и отцы. Они где образовали новые поселения, где влились в свои роды и племена...

Низовья Днепра и Дона занимали булгарские племена кутригуров. Родственные им утигуры жили на Кубани.

Греческая Византия, страдая от набегов кутригуров на Фракию, дарами и посольствами побуждала утигуров к военным действиям против кутригуров. Ловкая политика императора Юстиниана довела оба эти родственных племени почти до взаимного истребления...

К востоку от утигуров, в районе реки Кумы и в Дагестане, обитало крайне воинственное племя савилов. Они принимали живое участие в византийско-персидской войне сначала на стороне Ирана, а вскорости и против него. В 552 году они завоевали Агванию, но уже в 554 году были разбиты персами...

На берегу Кубани жили аланы, верные союзники Византии. Это от них греки впервые получили известие о появлении нового варварского народа – аваров. Положение аваров, бежавших от тюркского нашествия, казалось бы, было безнадежным. За ними стоял намного их сильнейший враг. Перед ними стояли сильные, многочисленные и богатые народы, привыкшие к войнам и умевшие побеждать. А авары выступали нищими беглецами, лишенными и стад, и родной страны...

– О, Аллах, как же они, злосчастные, спаслись от этой смертельной напасти? – удивленно спросила Суюм. – Как-то слышала я, что многие наши предки имели от них много несчастья и горя...

Неторопливыми движениями рук Хаджа Хасан перебрал лежавшие перед ним пожелтевшие свитки, открыл один из них, бегло читая по-арабски, переводил содержимое своим слушателям:

– К счастью этих аваров, в Средней Азии активизировались эфталиты и отвлекли Истемии, вынужденного заявить: «Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избежать мечей тюркских, они не рыбы, чтоб нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают на поверхности земли. Когда покончу с эфталитами, нападку на аваров, и они не избегнут моих сил»...

Активные действия против эфталитов Истемии начал лишь в 561 году, когда иранский шах Хосрой Ануширван заключил мир с императором Юстинианом и смог обратить свое внимание на восток.

Окончательный мир в Средней Азии заключили в 571 году. И лишь тогда тюрки смогли снова обратиться на запад, но авары воспользовались передышкой столь успешно, что стали недостижимы для Истемии-кагана.

Оторвавшись от тюрков, авары искали союзников. Они попросили аланского вождя Саросия содействовать их сближению с Византией.

Саросий принял деятельное участие в бедственном положении авар и помог их послу тайно пробраться в Лазику, откуда его переправили в Константинополь, где его приняли недоверчиво и неблагоприятно.

Посол авар проявил изворотливость, и Юстиниан отправил ответное посольство с мечником Валентином во главе.

Аварам привезли подарки и предложение начать активные действия против врагов империи, главным из которых в то время считался Иран.

– Направьте отряды против персов... – убеждал мечник Валентин.

– Мы обрушимся на них всей своей мощью! – клятвенно заверяли авары. – Пощады от нас не дождутся...

Союз заключили в 558 году. Но вместо того, чтоб нападать на врагов империи, авары вероломно обрушились на их союзников...

Первой жертвой зловерных и лукавых аваров оказались савиры, которые, поначалу толком не разобравшись, приняли этот новый народ за истинных азиатских авар, нанеших им в середине пятого века сильное поражение. Это недоразумение вызвало среди савилов панику и решило победу аваров. Вслед за савирами пострадали верные союзники империи утигуры.

Затем авары, переправившись через Дон, обрушились на антов и подвергли этот народ полному разграблению...

В просторной гостиной зависла гнетущая тишина. После недолгой паузы Суюм огорченно изрек:

– Коварным и злосчастным оказался сей народ...

Почтенный рассказчик утвердительно кивнул головой:

– Они искусно использовали в своих корыстных целях разногласия и вражду между племенами. На Кавказе аваров одно время поддерживали аланы. В Причерноморье эта роль выпала на долю кутригуров...

С 551 по 558 годы кутригуры не решались подступать к границам Румской империи. Их восточная граница благодаря тонкой византийской дипломатии находилась под постоянной угрозой утигуров, а западной границе всегда угрожали многочисленные племена антов, обитавшие по всей лесостепи к полуночи от их Причерноморских степей...

– Ты один, – ловко льстил хитрый посол аваров Забергану, вождю кутригуров, – кто способен одолеть всех своих врагов...

И Заберган, злейший враг греков, должно быть, рад был заполучить в лице аваров новых союзников, необходимых ему для борьбы с Румом и его друзьями – утигурами и антами.

– Мы договоримся... – на лице Забергана появилась улыбка.

Как только авары, разгромив утигуров, обезопасили кутригуров с тыла, Заберган принял новый поход на Балканы.

В марте 559 года он перешел Дунай по льду и разделил свое войско на три отряда. Один двинулся через Македонию в Элладу и проник к Фермопилам. Второй же угрожал укреплениям, защищавшим Херсонес Фракийский. Третий, во главе которого стоял он сам, прорвался через пролом в Длинной стене, пострадавшей от случившегося землетрясения и по преступной небрежности не восстановленной...

В Руме началась паника. Из мрака забвения извлекли престарелого военачальника Велизария. Его долго уговаривали. Старик согласился, но выставил ряд условий.

– Подчините мне всех префектов, раздайте оружие ремесленникам... – потребовал он. – Обшейте мои носилки толстой кожей, в палатку мою поставьте походную ванну...

Прибыв в ставку, полководец долго отлеживался в горячей воде, грел замерзающие кости. Возле него крутились три невольницы в прозрачных туниках, подливали кипяток из высоких тонкостенных кувшинов. Терли ему спину и громко визжали, когда старческие ладони касались их тел.

– От вас не убудет! – сластолюбец звонко шлепал девиц по округлым выпуклостям, игриво хватал за остро торчавшие груди.

С утречка, плотно перекусив, старик неторопливо объезжал воинские отряды. Он дотошно проверял амуницию и снаряжение, интересовался количеством больных и раненых.

– Староват я стал для воинских потех, – ворчал Велизарий и охал при каждом толчке, судорожно хватался за поясницу.

Он давно не ездил верхом, передвигался на громоздких носилках, а потому не всегда поспевал за своим войском. Наблюдая за ходом битвы издали, больше полагался на божий промысел и на свое везение. И ему необыкновенно везло. Он отогнал варваров от столицы.

– Поспешишь – людей насмешишь! – любил приговаривать он и не лез напролом, выжидал, заманивал отряды кутригуров в засады, разбивал их поодиночке, по частям. – А пока я посплю, не мешайте мне! – старик опускал полог, прятался от всех в тени.

С трудом, но и остальные отряды тоже отбили.

– Пора мне на покой! – Велизарий приказал рабам отнести его к себе во дворец. – Мир воцарился, нужда во мне пропала...

Заберган разбил лагерь во Фракии и продолжал грабежи до тех пор, пока ему не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же «дары», как и утигурам. Только после этого кутригуры покинули Фракию...

Юстиниан немедленно снесся с вождем утигуров Сандилхом, после чего утигуры напали на один из отрядов Забергана, возвращающийся из Фракии, уничтожили его, а отбитую добычу Сандилх возвратил грекам.

Неизбежно последовавшая вслед за этим событием ожесточенная война между двумя болгарскими народами настолько же ослабила их, насколько она послужила на пользу аварам...

Осмысливая последствия вражды между родственными народами и причины ее возникновения, женщина тяжело вздохнула:

– Вот, Аллах, что же за вредное сие племя, авары...

Отставив в сторону чашку с чаем, дервиш продолжил:

– Силы аваров все росли. В 565 году они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигезбертом. Через два года авары в союзе с лангобардами легко уничтожили гепидов, которым оказывал деятельную помощь Рум, и овладели долиной реки Тиса...

Благодарные слушатели узнали, что всего год спустя, после ухода лангобардов в Италию, авары стали хозяевами всей Паннонии и грозой Центральной Европы. И их основную силу составляли вспомогательные войска из антов, западных славян и кутригуров, полностью к тому времени подчинившихся аварскому хану.

Аварский хан Баян, угрожая Руму, в 568 году цинично заявил: «Я таких людей пошлю на Румскую землю, потеря которых для меня не будет чувствительна, хотя они все погибли бы...»

– И кого же он послал? – Айша пытливо прищурилась.

– Он послал в набег десять тысяч кутригуров...

Взвесив силы и возможности противоборствующих сторон, хозяйка гостиной высказала свое предположение:

– Для аваров, как противников Рума, был необходим союз с Ираном, в то время как турки, враги аваров, могли находиться с империей в самых дружеских отношениях.

– И одновременно, – добавила Насима, – турки готовились к войне с государством эфталитов, одновременно враждебным и тюркам, и Ирану.

Продолжив ее мысль, Хаджи Хасан возобновил свой рассказ:

– Надо полагать, что Истеми-кагану союз с Хосроем Ануширваном был более привлекателен, нежели переговоры с Румом. И к 560 году персы и турки заключили союз. Одни, чтобы отомстить за смерть шаха Пероза, вторые – чтобы овладеть цветущими городами Согдианы...

По губам Суюм пробежала ироничная усмешка:

– Восточная политика Ирана была гибка и прозорлива...

– Усиление Северо-Западного Китая немедленно отметили в Персии, и в 555 году в Чань-ань прибыло иранское посольство. Одновременно посольство отправили и к тюркам, сделали первые шаги к сближению, скрепленные браком шаха и дочери Истеми-кагана...

– О, Аллах! – прошептала Суюм, – везде бедные женщины являются самым ходовым товаром, всюду их используют, как разменную монету...

– Такова жизнь, – дервиш развел ладони в сторону. – Ничто мужчины не ценят так, как прекрасных женщин. Аллаху так было угодно, чтобы мужчины превратили их в самый дорогой товар, с их помощью скрепляли союзы на протяжении многих веков. Но вернемся, ханум, к эфталитам. Им пришлось воевать даже на три фронта, так как царь эфталитов, владея провинциями Кашмир и Пенджаб, упорно сражался с индийцами...

Хаджи Хасан поведал, что в 553 году, потеряв союзников – жужаней, эфталиты забеспокоились и попытались завязать отношения с Китаем. Правитель империи Западная Вэй пребывал в союзе с тюрками, и эти намерения там не встретили должного понимания и сочувствия.

Активные военные действия начались в 560 году, и спровоцировал их сам царь эфталитов Гатфар.

Будучи сильно обеспокоенным сношениями кагана с шахиншахом, он решил сделать все, чтобы всячески воспрепятствовать их сближению. Тюркское посольство, двигавшееся через Согд, вырезали.

Спасти удалось одному всаднику, который и принес печальное известие Истеми-кагану. После этого война стала неизбежной.

– Они ответят! – каган мобилизовал все наличные войска.

Хосрой Ануширван опередил своего союзника и нанес первое поражение эфталитам в 562 году, но война на этом не закончилась...

Первой жертвой передовой лавины тюркских войск оказался город Чач (Ташкент), где тюрки, по обыкновению, устроили резню.

Затем главные силы тюрков, перейдя реку Чирчик, соединились со своим успевшим отличиться авангардом.

Отступая и стягивая силы в одно место, эфталиты сосредотачивались у Бухары, но Гатфар, так и не решившись принять бой на равнине, где превосходная, хорошо обученная конница тюрков имела неоспоримые преимущества, отступил в горы и принял бой у Карши...

Фирдоуси написал, что согдийцы при наступлении тюрков много плакали, но воевать за всем им ненавистных эфталитов не хотели.

Битва у Карши продолжалась восемь дней и закончилась полным разгромом эфталитов. Случилось несчастье в 565 году. Уцелевшие после жестоких схваток, поняв, что время для самостоятельности державы эфталитов, видно, кануло в прошлое, низложили Гатфара, отрезали ему голову и отослали ее в подарок шаху Ирана.

Царем они выбрали князя Фагониша, обязав его подчиняться Хосрою Ануширвану, который, как им думалось, мог противостоять тюркам.

Получив одновременно письмо кагана и предложение покорности от Фагониша, Хосрой не ответил ни тому, ни другому. Вопреки мнению своих приближенных, он во главе всех своих войск двинулся в Хорасан. Когда общий враг был сломлен, союзники оказались врагами...

Пряча ироничную усмешку, Суюм осведомилась:

– Нашлось, почтеннейший, что-то, что рассорило их?

– Да, разногласий у них хватало, взять одну торговлю шелком...

Дервиш поведал, что разгромив эфталитов и все северокитайские царства, тюрки достигли не только политического, но и экономического могущества, так как в их руках оказался великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток.

– Скажи, почтеннейший, как далеко от нас проходил этот путь?

– Путь этот начинался в Чань-Ани и шел вдоль склонов Нань-Шаня через многочисленные долины, щедро орошаемые стекающими с хребта ручейками. Этот участок пути оказывался самым легким.

Насима улыбнулась:

– Трудности ожидали всех впереди...

– Да, далее уже следовал крайне тяжелый переход через пустыню до оазиса Хами, а оттуда в Люкчунскую впадину к Турфану...

Айша заинтересованно спросила:

– А кто там жил?

– Оба этих оазиса и несколько соседних составляли самостоятельное княжество Гаочан. Его населяли потомки китайских военных поселенцев, в свое время выполнявших особые задачи по охране дальних рубежей империи, совершенно освоившихся на своей новой родине...

После недолгой паузы свой вопрос задала Суюм:

– Куда же дальше направлялись караваны?

– От Гаочана караванный путь расходился. Одна его ветвь пролегла по южным склонам Тянь-Шаня через Карашар, мимо Иссык-Куля. Другая ветвь, северная, шла по южной Джунгарии. В Средней Азии караваны отдыхали. Оттуда путь шел через Хорасан в Сирию и Рум. От Китайского моря насчитывалось сто пятьдесят дней пути, а от крепости на румской границе еще восемьдесят дней...

Насиму заинтересовали более практичные аспекты:

– И стоило столь долго путешествовать? Стоила овчинка выделки?

– Торговля была оживленной и доходной, в ход шли исключительно предметы роскоши.

Услышав про роскошь, Айша оживилась:

– И чем у них, интересно, торговали?

– Китайцы получали из Ирана исключительно для своих императриц знаменитую краску для бровей, стоившую на рынке баснословно дорого. Редкостным товаром были вавилонские ковры...

Понизив голос, Айша спросила:

– А камешками они торговали?

– В Китай ввозились подлинные и искусно выполненные поддельные драгоценные камни, кораллы и жемчуга с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, опиум и гашиш из Малой Азии. Но испокон веков самым важным предметом торговли слыл шелк, который начал поступать в Европу со времен императора Августа.

– Выходит, они в обмен закупали шелк?

– Потребность Рума в шелке была огромна. Помимо прямых нужд двора и аристократии шелк использовался как деньги при сношениях с варварами, скажем, при найме войск...

Настала очередь Суюм вступить в разговор:

– Зачем Руму требовались наемники?

– Притязания императора Рума Юстиниана на мировое владычество вынуждали Рум иметь огромное войско и поддерживать связи со всеми государствами Европы включительно до англосаксонских королевств.

Догадавшись, Насима хлопнула в ладошки:

– Ясенько! На подарки, на подкупы, наем воинов Руму требовалось огромное количество шелка. За шелк Рум получал из Европы союзников и наемников, любые товары и многочисленных рабов.

– Вот-вот! Именно благодаря торговле шелком Юстиниан мог вести политику, которая подчинила его власти почти все Средиземноморье.

– Ясенько! Шелк в румской империи ценился наравне с золотом и драгоценными камнями.

Осилив очередную чашку чая, дервиш продолжил:

– Однако путь, по которому следовал драгоценный товар, проходил через Северный Иран, и шах никогда не выпускал из своих рук контроль над караванной торговлей. Оставляя себе большую часть шелка-сырца для его обработки, персы имели возможность продавать свои изделия странам на заходе солнца по ценам, которые они сами назначали...

Хозяйка гостиной задумчиво прищурилась:

– Верно, персы стремились сбыть больше и дороже...

Хаджи Хасан улыбнулся и уточнил:

– Добиваясь ослабления империи, Иран стремился не к увеличению количества продаваемого шелка, а к повышению цены на него, желая выкачать из Рума возможно больше денег и тем ослабить его в военном отношении. Большой излишек шелка позволял империи при любых ценах на него с избытком компенсировать свои затраты при его перепродаже другим странам, а это, в свою очередь, не было выгодно Ирану.

– Поэтому персы не только устанавливали заоблачно высокие цены, но и ограничивали количество шелка, вывозимого на заход солнца...

Поторапливая события, Айша задала следующий вопрос:

– И что же дальше?

– Овладев в 570 году Йеменом, Хосрой Ануширван окончательно закрыл византийцам доступ на восход солнца через Красное море и через Индийский океан.

– И тут его интересы пересеклись с тюркским каганатом!

– Издавна тюрки выкачивали из Китая огромное количество шелка в виде дани. Несмотря на то, что ханы и князья обвешивали шелком свои юрты, использовать его весь они не могли. После разгрома эфталитов согдийцы стали подданными кагана. Они издавна славилась и на восходе солнца, и на заходе светила как ловкие посредники-купцы...

Суюм словно подвела черту:

– От замены прежних хозяев на новых они выиграли, ибо перед ними открылся беспрепятственный и безопасный доступ во все внутренние области Азии. В их интересах было максимальное расширение торговли, что совпало с заветным желанием тюрков найти сбыт для излишка шелка.

Хаджи Хасан перевернул свиток...

...Прагматичные согдийские купцы совершенно справедливо сочли разгром эфталитов началом своего процветания.

– Мы на пороге рая! – важно заявил хозяин дома, его гости согласно закивали своими бородами, ибо дорога в Китай была открыта.

Их повелители-тюрки и сами тривиально не знали, куда девать весь награбленный или полученный в виде дани шелк.

– Торговцы-посредники могли бы на этом нажиться, как никогда до этого ниспосланного с Неба благополучного момента... – размышляли, валяясь на высоких толстых подушках, самые богатые и именитые купцы Согдианы. – Мы собрались, чтоб сообща подумать...

На совет пригласили только тех, кто мог, не обращаясь за помощью, выложить деньги на оснащение сразу нескольких караванов, кто за эти годы заслужил самое полное доверие своих товарищей по их нелегкому и довольно опасному ремеслу, кто не запятнал себя ложью и обманом.

– Среди нас исключительно честные и достойные люди...

Трудно оказалось найти обладателей всех этих достоинств, а потому последнее человеческое качество рассматривалось очень избирательно и применительно только к своему торговому сообществу.

– Надо нам, дорогие наши гости, послать к тюркскому кагану такого человека, – выслушав почти всех присутствующих, многозначительно произнес старейшина, один из самых уважаемых как в городе, так и во всей стране купцов, – который сможет убедить его в выгоды нашего предложения. И подкрепить его речь богатыми дарами.

Бритоголовый, толстенький человек, шумно потягивающий из пиалы горячий и крепкий чай, блеснув на мгновение маленькими и хитрыми глазками, тихо, но так, что его все услышали, пробормотал:

– Это должен быть человек, которому мы все всецело доверяем...

Намекал он тонко на то, что им потребен тот, кто будет действовать в интересах всего их сообщества, а не только в своих личных целях.

А так как сам он, Карауш, всегда предпочитал действовать исходя из своих собственных корыстных побуждений, то и во всех остальных видел исключительно самое плохое. Испокон веков каждый судил о других в меру своей собственной моральной распушенности...

– Дорогие наши гости, – старейшина, чутко уловив в прозвучавшем в глубокой тишине голосе признаки явного недоверия, нахмурил брови, тон его стал намного резче, – мы собрали тут именно таких людей. Тот, кто хоть на йоту в ком-то сомневается, должен тотчас покинуть нас...

Воцарилась гробовая тишина. Даже мухи притихли. Никто не встал и не вышел. Уйти – себе же намного дороже выйдет...

Несмотря на все подстерегающие их опасности, никто не пожелал остаться в стороне от задуманного дела, сулящего баснословные выгоды.

Не стронулся с места и сам Карауш, и лишь суетливо забегали его маленькие и круглые глазки. Ища себе поддержки у своих сотоварищей и не находя ее, втянув голову в плечи, он низко-низко опустил ее.

– Кто возьмет на себя столь тяжкий труд?

Заданный вопрос вязко повис, не получив какого-либо ответа. Кто-то решил промолчать из излишней скромности, считая себя недостойным для того, чтобы возложить на себя столь почетнейшую миссию.

Кто-то трусливо посчитал выполнение этой задачи для себя слишком рискованным делом. Кое-кто подумал о чем-то другом и о третьем...

– Пошлем Маниаха, – видя молчаливую нерешительность, порешил старейшина. – Утвердим...

– Да-да, пусть едет Маниах, – облегченно вздыхая, закивали купцы.

Лучше кандидатуры им не сыскать. Маниах и ловок в обхождении с сильными мира сего, и братию свою в обиду не даст и не предаст ее.

Но более всего успокаивало то, что это опасное предприятие выпало не на их долю. Предстояло не только уговорить кагана, но и договориться с персидским шахом. А это дельце представлялось самым трудным.

Немало времени ушло на подготовку посольства к тюркскому кагану. Но затраты стоили того. Маниах хорошо понимал, что действовать ему следует наверняка, второго такого шанса уже, скорее всего, в ближайшем будущем больше не представится.

Часть выделенного купеческой общиной золота ушло на то, чтобы подкупить людишек из ближайшего окружения повелителя тюрков.

Прибыв в ставку кагана, Маниах самым первым делом посетил шатер китайской принцессы Чанле, подобострастно припал к ее узким кожаным туфелькам, озорно выглядывающим из-под расшитого золотыми нитками небесно-голубого шелкового халата.

– Прости меня, – вдохновенно начал он, – о, прекраснейшая из всех земных женщин, за то, что я, недостойный твоего внимания, осмелился потревожить твой тишайший покой. Твоя несравненная красота...

– Оставь, чужеземец, – изящная ладошка, выскользнув из широкого рукава, небрежно качнулась, останавливая велеречивое краснобайство купца. – Не трать слов попусту... – принцесса грустно усмехнулась.

Давно остались в прошлом те славные дни, когда она, действительно, блистала и затмевала всех своей красотой. Нет давно уже той пугливой девочки, которую привезли Бумыну. События в ту пору следовали одно за другим, стремительно сменяя друг друга. Последовавшая смерть ее мужа, казалось только достигшего пика своего могущества. Тяжелейшая борьба

за выживание, мучительные сомнения, нелегко давшееся решение встать на сторону своего пасынка Кара-Иссыка.

И с ним она не успела насладиться всей полнотой верховной власти. Коварные руки отравили Кара Иссык-хана, умертвили ее опору и надежу.

Спасаясь от преследования, пришлось ей бежать в лагерь Истеми, который встретил ее с усмешкой на полупрезрительных губах:

– Ты думаешь, что я намерен делить твою постель со своим братом и племянником? Ты еще не забыла, как интриговала против меня?

Из двух зол выбирают меньшее, и Чанле выбрала.

– Ты можешь приказать убить меня на месте, – женщина покорно склонила голову к его ногам. – Лучше смерть из твоих рук, чем золотая клетка у Мугань-шаха.

– Хорошо... – кивнул головой Истеми.

Присутствие при его ставке ханьской принцессы, имеющей тесные связи при императорском дворе, придавало ему большей значимости и впоследствии сулило немало выгод. Скорее, что он больше приобретет, чем потеряет.

– К тебе будут относиться как к вдовствующей повелительнице...

И с той поры прошло около двух десятков годков. А безжалостное время отнюдь красоты не прибавляет...

Кокетливо прищурив левый глаз, Чанле грациозно выставила вперед правую ладошку. Для того, чтобы начать разговор, она хотела убедиться в искренности намерений своего гостя, иными словами...

– Ты, проделавший к нам немалый путь, о чем-то хотел просить меня? – лукаво протянула она.

Поняв, что от него самым беззастенчивым образом требуют подарок, Маниах извлек из рукава небольшой обшитый бархатом футляр, раскрыл его. Огромный ярко-красный рубин заиграл на свету, поражая своей глубинной чистотой и невиданной красотой.

– Ты, чужеземец, едва лишь приоткрыл завесу своей тайны, – Чанле, завуалировав, намекнула на то, что одного камня явно маловато.

Лукавые глаза китайской принцессы откровенно заявляли, что у нее самой немало таких самоцветов. А то, ради чего прибыл к ним купец из Согдианы, стоит куда намного дороже. Следовательно, и цена разговора, соответственно, намного выше. Одним красным камушком не отделаться.

– Я постараюсь, о, прекрасная принцесса...

Через мгновение на раскрытой левой ладони Маниаха засверкал всеми цветами радуги изумительный алмаз голубоватого оттенка.

– У тебя, чужеземец, очень хороший вкус, – женщина благосклонно улыбнулась. – Думаю, что тебе уже удалось убедить меня...

Может, кому другому и было неведомо, зачем это к ним заявился согдийский купец, но она-то прекрасно об этом догадывалась. Что еще другое могло волновать торговца, как не шелк...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.